

НАУКА ИСПЫТАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ

Л. В. Шиповалова

**Наука: испытание
эффективностью**

«Фонд развития конфликтологии»

2016

УДК 621.865
ББК 60

Шиповалова Л. В.

Наука: испытание эффективностью / Л. В. Шиповалова — «Фонд развития конфликтологии», 2016

ISBN 978-5-9907824-8-8

Монография посвящена рассмотрению современных проблем эффективности научных исследований в философском и историческом контексте. В фокусе оказываются сложные отношения науки с другими социальными институтами.

УДК 621.865

ББК 60

ISBN 978-5-9907824-8-8

© Шиповалова Л. В., 2016

© Фонд развития
конфликтологии, 2016

Содержание

Предисловие	6
Раздел I	8
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наука: испытание эффективностью

© Авторы, 2016 © Шиповалова Л. В., отв. ред., 2016

© Фонд развития конфликтологии, 2016

Предисловие

Требование эффективности, очевидно, представляет собой вызов для современной научной деятельности. Ответ научного сообщества на него далеко не однозначен. Это может быть и радикальное отрицание осмысленности этого требования, того, что оно имеет существенное отношение к науке самой по себе. Это может быть и приспособление к его актуальным формам, скрывающее опасение за искажение при этом собственных целей науки. Авторы данного текста предлагают проблематизацию требования эффективности: описание его неоднозначности и исторической конкретности, а также раскрытие его необходимой связи с научной деятельностью, существующей в обществе, и с трудом мыслимой в качестве «свободной от него».

Переосмысление эффективности научной деятельности состоит в привлечении внимания к тому ее смыслу, который выходит за рамки экономического дискурса, сравнивающего вложения и результаты. Широкий смысл эффективности включает способность производить воздействие как на сколь угодно далекого от понимания содержания научных исследований Другого, так и на саму науку, получающую импульсы развития благодаря теоретическим исследованиям или экспериментальным разработкам. Так понятая эффективность оказывается необходимым контекстом развития науки, начиная с ее утверждения в качестве социального института; такой смысл эффективности включается в признаваемые практически повсеместно критерии научности. Различие «объектов» воздействия науки позволяет говорить о когнитивной (интерналистской) и социальной (экстерналистской) эффективности, отношение между которыми вряд ли следует истолковывать иерархически. То зеркало, в которое по преимуществу желает смотреться наука, узнавая себя в качестве стремления к познанию, не ровнее и не чище зазеркалья общественных интересов, в которые она с необходимостью вплетена. Сам же переход в зазеркалье оказывается не таким сложным и фантастическим, как представлялось в период очевидной значимости бинарной оппозиции интернализма / экстернализма. Убеждение, которое в той или иной степени разделяют авторы, состоит в том, что без учета этой способности производить общественный эффект, а также многообразных необходимых социальных связей научных институций, понимание научной деятельности, так же как и человеческой деятельности вообще, будет не полным.

Однако работа с широким смыслом эффективности не предполагает слепоты по отношению к тем «превращенными формами», которые она приобретает в современности. Требование эффективности воспринимается исключительно в качестве внешнего, чуждого, соотносимого с невнимательным к нуждам научного сообщества администрированием, и довлеющими универсальными критериями, применяемыми без учета контекста. В этом требовании утилитаризм потребляющих результаты научных исследований аутсайдеров и управляющих наукой менеджеров представляет собой угрозу автономии научного поиска. Кто несет ответственность за то кризисное состояние, в котором оказывается наука, ведомая этими внешними требованиями? Как объяснить то удивительное превращение, которое случается с эффективностью? В решении этих вопросов авторы предлагают уйти от магистрального пути простого отрицания. Конструктивная критика современного требования эффективности предполагает, во-первых, понимание меры собственной ответственности науки за возникновение таких превращенных форм, и, во-вторых, продумывание в данной ситуации стратегий действия как собственных, так и тех, которые научное сообщество может предложить управляющим наукой структурам. Немаловажную роль при этом играют уроки истории, которые не так просты, как иногда хочется видеть тем, кто настаивает на возможности помещения научной деятельности в башню из слоновой кости.

Авторы не претендуют на исчерпывающее понимание особенностей институциональных взаимодействий науки в прошлом и в современности, на абсолютную адекватность в описании

научной эффективности и ее превращений, на полноту разработанных стратегий конструктивной критики используемых критериев. Считая актуальной проблему эффективности научной деятельности и признавая собственную ответственность за ее решение, они приглашают читателя присоединиться к ним на пути ее философского и исторического исследования.

Необходимо выразить благодарность организациям, без поддержки которых данное исследование было бы невозможным: РГНФ, который поддержал проект «Проблема эффективности научных исследований. Философский и исторический контексты», а также Ресурсный центр СПбГУ «Центр Социологических и Интернет-исследований», на базе которого проводился опрос сотрудников СПбГУ. Результаты этого опроса отчасти уже были представлены в первом разделе. Также хотелось поблагодарить коллег СПбГУ, Центра социолого-науковедческих исследований СПбФ ИИЕТ РАН, философского факультета МГУ и других организаций, с которыми обсуждались темы, представленные в данном тексте.

Л. В. Шиповалова

Раздел I

Зеркало и зазеркалье научной деятельности

Глава 1

Наука – между эффективностью и свободой¹

© *Шиповалова Лада Владимировна* – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: ladaship@gmail.com

В заглавии обозначены два способа определения научной деятельности, два предиката того, что понимается под наукой в современности, которые в некотором смысле противоречат друг другу, отсылая к гетерономии и автономии воли. Эти предикаты задают два противоречащих друг другу дискурса – управляющего наукой менеджмента, выдвигающего первое требование, и научного сообщества, настаивающего на исключительной значимости второго. Они репрезентируют исследования на основании различных интересов, вступающих в противостояние за главенство и объективную значимость одного из них. Развитие борьбы «за адекватное понимание науки» определяется во многом абстрактным противостоянием этих интересов, и, соответственно, принципиальным различием позиций их субъектов. В контексте такого противостояния все разговоры о «конструктивном взаимодействии» обречены на то, чтобы оставаться лишь разговорами, до тех пор пока не будет указан субъект всеобщего интереса, существующего до разделения на «мое и твоё», который за это взаимодействие может взять ответственность. Таким субъектом может быть именно научное сообщество, однако идентифицирующее себя не в альтернативе дискурсу эффективности, но в связи с ним. Тогда наука окажется не спорным полем интересов, но деятельностью, необходимо включающей в себя противоречие между эффективностью и свободой, а само это противоречие станет тем, что препятствует развитию науки только в том случае, когда оно понимается абстрактно. Конструирование такого субъекта, определение условий его возможности, можно считать главной целью данной главы.

Однако видимость противопоставления эффективности и свободы – естественная иллюзия, и возникает она с необходимостью в развитии самой научной деятельности. Потому разоблачение абстрактного противостояния указанных предикатов научности связано с прояснением условий его возникновения. Эта своего рода генеалогия проблемы представляет собой вторую цель. Третья – описание условий того, что спор научного разума, раздираемого противоречием между эффективностью и свободой, может трансформироваться в источник развития науки. Движение к этим целям будет предваряться ответом на два существенных подозрения: в морализаторстве и в выстраивании очередной утопии, которая, являясь движущей вперед силой, тем не менее остается при частичной значимости собственных интересов, претендующих на тотальный характер. Ответ на них будет определять используемый метод.

Первое подозрение определяется претензией современных исследований науки на исключительно дескриптивный характер собственной деятельности. В этом смысле они противопоставляют себя традиционной философии науки, предписывающей нормативную определенность научному знанию. Признавая относительную правоту этой претензии, мы будем стараться «следовать за учеными», апеллируя к их собственным практикам, в которых обнару-

¹ Текст подготовлен в рамках реализации проекта, поддержанного РГНФ, «Проблема эффективности научных исследований: философский и исторический контексты», Проект № 15-03-00572.

живается пересечение двух стратегий – ответ на вызов эффективности и верность идее автономии. Следует, однако, заметить, что любой опыт, и опыт дескрипции в том числе, чреват нормативностью и претендует на то, чтобы задавать правила; протест против этого – слепота относительно оснований собственной деятельности. Ответ на второе подозрение связан с первым: этот текст представляет собой опыт философского прояснения оснований научной деятельности, происходящий из настоятельной необходимости этого. Он может быть истолкован как возможный жест исследований науки, определяющих собственную позицию на пересечении контекстов эффективности и свободы.

* * *

Путь, которым мы предлагаем идти в прояснении статуса современной науки может быть назван *введением в проблему*². Проблема возникает тогда, когда определяемый субъект оказывается в ситуации раскола и не-самотождественности, потому что в его определение вводится противоречие, а его существование описывается как конфликт онтологических допущений³.

Тогда то, что выступало исключительно в качестве препятствия или внешнего, чуждого определения, обнаруживается, так же как задающее собственную идентичность⁴. Введение в проблему современной научной деятельности предполагает понимание того, что конфликт между эффективностью и свободой – это не различие между собственным и чуждым определением; понимание того, что его невозможно разрешить путем принятия одной из сторон противоречия и отрицания другой, поскольку это будет означать отсутствие внимания к их равной значимости для научного субъекта. То есть процедура введения в проблему трансформирует, расширяя, понимание научного субъекта, предлагая его иную сборку, которая может служить основанием его действий. Именно это определение иного порядка действий в ситуации проблемы должно быть итогом пути.

Однако действительно ли возможно такое ведение в проблему современной науки? Можно ли приписать научной деятельности самой по себе такие противоречащие друг другу предикаты? Ведь в характеристике эффективности речь идет об интересах Другого, во внимание принимаются исключительно результаты исследования, представляемые иным социальным субъектам, для того чтобы оправдать существование научной деятельности в системе общественного разделения труда. Причем этим субъектам может быть не ясен, а также принципиально безразличен, смысл собственно научных проблем. Главное требование эффективности – значение результата и понятность этого значения по преимуществу в контексте его использования. Такого рода «легитимация исследования через результативность»⁵ становится преобладающей тогда, когда наука оказывается одним из социальных институтов, связанных с другими внешним образом, исключительно событием обмена благами, ценность которых тем выше, чем больше потребителей они удовлетворяют. Можно ли такое требование эффективности и результативности непосредственно связывать с собственными интересами научного сообщества? Не является ли очевидным внешний, привходящий, характер этих требований?

² Основанием для данного текста послужила статья: Шиповалова Л. В. Эффективность науки как философская проблема // Мысль. 2015. № 19. С. 7–18.

³ Касавин И. Т. Проблема и контекст. О природе философской рефлексии // Вопросы философии. 2004. № 11. С. 19–32; Шиповалова Л. В. Научная объективность в исторической перспективе: дис. ... д-ра филос. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://spbu.ru/dissert2/dissert/Shipovalova-dissertazia.pdf/> (дата обращения: 15.10.2016). С. 40–54.

⁴ Любопытно, что проблема в древнегреческом языке (πρόβλημα), который является источником многих философских концептов, означает «брошенное вперед», «поставленное впереди», однако в двух смыслах: во-первых, в качестве защиты и, во-вторых, в качестве помехи или препятствия (Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. [репринт V издания 1899 г.] С. 1050).

⁵ Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 102–115.

В противоположность им автономная исследовательская работа, по сути, определяется внутренним экзистенциальным мотивом ученого, движима им. «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головокружительном круговороте собственной жизни»⁶. Пафос великого физика, говорящего о мотиве научного творчества, может быть понятен любому ученому, считающему свою работу делом всей жизни, а не только наилучшим способом проявить интеллектуальные способности или заработать средства для поддержания существования на должном уровне, следуя «утилитарным целям».

Истолкованные таким образом концепты эффективности и свободы не дают основания говорить о проблеме научной деятельности, определяющейся в контексте их противостояния. Напряжение между творческим исследованием, осуществляющемся в «одиночестве и свободе»⁷, с одной стороны, и «необходимостью» утверждать такой способ идентификации в глазах сколь угодно далекого от науки Другого – с другой, можно снять указанием на внешний характер этой «необходимости», а также отрицанием значимости взглядов и дискурса аутсайдеров для автономного научного творчества.

Здесь стоит высказать предположение о том, не оказались ли понятия свободы и эффективности истолкованы слишком узко, что и стало условием их абстрактного противопоставления? Не претендуя на полный анализ концептов, выскажем несколько соображений, имеющих отношение к истории употребления терминов, которые сделают возможным расширение их смысла.

В современном языке, в том числе в языке, оценивающем науку, стало привычным использовать эффективность, в отличие от концепта результативности и в дополнение к нему. Речь идет при этом о сравнительной характеристике изменяющейся системы: эффективность определяется как отношение дохода (полезного результата) к затратам (использованным ресурсам) и имеет по преимуществу экономический окрас, связанный с максимизацией прибыли. Однако кажущееся само собой разумеющимся употребление термина эффективности в современности стало таковым совсем недавно. Анализ истоков англоязычного словоупотребления показывает, что в своем экономическом звучании, оказываясь симптомом властных претензий экономического дискурса, он начинает использоваться только с начала XX века. До этого сходные по звучанию термины употребляются таким образом, что дают возможность понять эффективность в широком смысле. При этом она соотносится с результатом деятельности, влияющей на другой объект; с впечатлением, производимым на кого-то; с действием, достигающим предположенную (собственную) цель; с силой, причиной, способностью производить результат; а также с существованием в качестве агента, производящего воздействие⁸. Анализ словоупотребления, конечно, не является достаточным способом доказательства, однако он дает повод к широкому взгляду на интересующий нас концепт. В данном случае он позволяет предположить, что экономический смысл, включающий внешнюю оценку произведенного действия, является вторичным по отношению к содержанию самого производимого действия,

⁶ Эйнштейн, А. Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собр. науч. трудов: в 4 т. М.: Наука, 1967. Т. IV. С. 40.

⁷ Это словосочетание характеризует «идею чистой науки», которой должны были соответствовать новые научные учреждения согласно плану В. фон Гумбольдта. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2 (22). С. 5.

⁸ См. об этом соответствующие статьи в Оксфордском словаре английского языка: Effect, Effective, Efficacy, Efficiency (The Oxford English Dictionary. Second ed. / prep. by J. A. Simpson, E. S. C. Weiner. Oxford: Clarendon Press, 1989. Vol. V. P. 78–80; 83–84).

которое осуществляется в силу некоторой внутренней необходимости и включает в себя достижение результата, влияющего на Другого. Этот широкий первоначальный смысл эффективности может быть определен в самом общем виде как *способность* к практическому действию, производящему результат, имеющему значение для другого субъекта, а также как *необходимая результативность собственного действия*, воздействующего на Другого. Иначе говоря, концепт эффективности включает силу, позволяющую достигать цели, а также воздействие на Другого, с чем связывается достижение этих целей.

Учитывая этот широкий смысл, уже сложно обойтись, определяя научную деятельность, без этой, на первый взгляд, чуждой характеристики, противостоящей автономии научного поиска. Становится очевидным, что суждение, основанное на таком первом взгляде, достаточно лукаво. И дело не в том, что другие субъекты нужны ученому в силу финансовой необходимости, в силу того, что его исследования невозможны без сложных лабораторных установок, компьютерных программ, без должного уровня полученного образования и включения в информационное пространство научного сообщества⁹. И не в том, что если настаивать на окончательности противопоставления эффективности и свободы, то в «испытании сил» в пространстве реализации научной политики «энтузиазм управленческих структур», владеющих дискурсом эффективности, очевидно, побеждает «тревогу академического профессионала», на долю дискурса которого остаются «алармистские сентенции», предрекающие смерть Академии и Университета¹⁰. Дело в том, что еще до переживания внешней необходимости в Другом или до отрицания значимости позиции Другого, принцип недостаточности присутствует в основании всякого конечного человеческого существа, и этот принцип заставляет не только и не столько пестовать отдельность и уединенность существования, сколько, выражая себя, искать того, кто будет тебя «признавать» или «оспаривать»¹¹.

Именно в этом контексте может быть понятно значение научных репрезентаций, объективированных форм выражения научной деятельности – речей, текстов, научных теорий, описания наблюдений и т. п.¹² Научные репрезентации представляют собой язык науки в широком смысле слова, и кажется само собой разумеющейся претензия этого языка на «понятность каждому», коль скоро объективность как всеобщность считается критерием его научности¹³.

⁹ Именно потребность в приведении доказательства, собственная потребность исследования, заставляет совершенствовать техническое оснащение экспериментов. Эта потребность – один из мотивов, включающих ученых в экономические социальные отношения. Следуя ему, «уже Декарт в конце своего “Рассуждения о методе” просит кредитов для лабораторий» (Лютар Ж. Ф. Состояние постмодерна. С. 109).

¹⁰ Об антагонизме этих дискурсов, а также о возможных направлениях их примирения, см.: Абрамов Р., Груздев И., Терентьев Е. Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: международный и российский контексты // Новое Литературное обозрение. 2016, № 2 (138). [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/2/trevoga-i-entuziazm-v-diskursah-ob-akademicheskom-mire-mezhduna.html> (дата обращения: 15.12.2016). Нельзя не отметить, что можно разделить пафос авторов статьи, а также приводимые ими основания возможности и необходимости сотрудничества между учеными и научным менеджментом. Есть, однако, одно существенное различие. В указанной статье речь идет о примирении двух различных дискурсов и об основаниях взаимодействия двух различных субъектов. Мы же предлагаем выстроить разговор не с позиции «третьего стороннего наблюдателя», оценивающего разногласия, а также возможности сторон на победу, но с позиции того гипотетического субъекта – научного сообщества, который может истолковать данные противоречивые требования как собственные и, соответственно, брать ответственность за их совмещение.

¹¹ Бланишо М. Неопишемое сообщество. М.: МФФ, 1998. 80 с.

¹² О необходимости репрезентаций в науке – представлений различной формы, которые являются медиумом между научным субъектом и репрезентируемым фактом, и в которых с силу этого преодолевается связь научного языка только лишь с научным субъектом, см.: Шиповалова Л. В., Куприянов В. А. Кризис репрезентаций в науке. Как возможен успешный исход // Эпистемология и философия науки. 2017. № 1. Т. 51 (в печати). Именно с этим стремлением к «признанию» и «оспариванию» связано возникновение языка в его дескриптивной (репрезентативной) функции, которая, в противоположность функции выражения, определяет независимость языка от говорящего и от ситуации говорения (см. об этом: Поппер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / ред. В. Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–74).

¹³ Необходимость репрезентаций связана с задачей приобретения убежденности в реальности научного факта (суждения). В свою очередь эта убежденность, выступая критерием научности суждения, определяется приданием всеобщего статуса суждению: «Внешним критерием того, имеет ли утверждение характер убеждения или только верования, служит возможность

Два исторических примера могут свидетельствовать о том, что работа над «признанностью» Другим и, соответственно, необходимое воздействие на него, принадлежит существу научных исследований. Первый пример относится к периоду концептуализации понятия «объективной достоверности», характеризующего познание, начиная с XVII века. Этот концепт в текстах иезуитов включал три взаимосвязанных смысла. Во-первых, физическая достоверность факта, данного в непосредственном наблюдении. Именно с совершенствованием этого вида достоверности связано усложнение технического оборудования лабораторий. Именно его недостаточность предопределила существование двух других видов: моральной достоверности заслуживающего доверие свидетельства и метафизической достоверности правильно (логически или математически) построенного вывода¹⁴. Моральная достоверность, как модус достоверности объективной, отсылала не только и не столько к авторитетному свидетельству, статус которого утрачивал значимость и отчасти подвергался сомнению в контексте критики схоластической приверженности доверию авторитетам. Условием достижения моральной достоверности считалась также репрезентация результатов исследования незаинтересованным, не сведущим в научной деятельности, свидетелям. Апелляция к их пониманию означает необходимость признания Другими, по преимуществу теми, кто не имеет непосредственного отношения к деятельности конкретного ученого или научного сообщества¹⁵. Сложно не заметить, что эти два вида моральной объективной достоверности (старая и новая, отсылающие к знающему авторитету или к свидетельствующему большинству), требующие воздействия на Другого, в измененной форме продолжают существовать и проблематично взаимодействовать в современности. С одной стороны, мы имеем дело с проблематичной в своей объективности достоверностью экспертного суждения, используемого, но часто подвергаемого сомнению, в современных процедурах оценки научных исследований. С другой стороны, при обсуждении этих процедур мы сталкиваемся с предположением объективности тотального удостоверения значимости научного исследования любыми аутсайдерами. Статистика, числа, количественные показатели объемов внешнего финансирования или публикационной активности оказываются универсальными (в своей всеобщей понятности) анонимными критериями, заменяющими необходимость демонстрировать каждому и любому зрителю непосредственную научную работу¹⁶.

Второй пример работы над созданием научного языка, который будет признан в качестве объективного, всеобщего, разделяемого всеми, – создание К. Линнеем единого способа именования растений, который должен использовать ученый, составляя словарь растений. Ботаника в эпоху Международного Кодекса Ботанической Номенклатуры с ее стремлением «дать растению название, которое подходит только к одному конкретному растению, а к другому не подходит, и которое будет понятно всякому человеку в любой точке земного шара», была наукой идеала коммунитарной объективности, служащей преодолению «слишком человеческих» раз-

передать его и найти, что признание его истинности имеет значение для всякого человеческого разума» (*Кант И.* Критика чистого разума. СПб.: Тайм-аут, 1993. С. 457). То есть научная деятельность, по сути, непосредственно связана с работой над признанием собственного языка о фактах в качестве всеобщего, т. е. значимого, и для Другого. Именно это стремление к объективности, к стиранию частных субъективных оттенков, приближает речь к статусу научной.

¹⁴ См. об этом подробнее: *Dear P.* From Truth to Disinterestedness in Seventeenth Century // *Social Studies of Science*. 1992. No. 22. P. 619–631.

¹⁵ Ярким примером, демонстрирующим включение в основания моральной объективной достоверности «мнения аутсайдеров», являются высказывания И. Кеплера о том, почему эксперименты Галилея достойны доверия. Во-первых, и в этом звучит отголосок моральной достоверности схоластов, потому что Галилей человек «уважаемый, достойный, благоразумный и знающий математику» и, во-вторых, потому, что он приглашает всех разделить его опыт и подтвердить, что его (опыта) результаты не определяются его (Галилея) видением, позицией, предпочтениями (цит. по: *Dear P.* From Truth to Disinterestedness in XVII century. P. 626).

¹⁶ См. об этом проблематическом сочетании в современности принципов достоверности научных исследований, а также о причинах распространения доверия числам в этих процедурах, см.: *Porter T. M.* Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press, 1995. 325 p.

личий в языке ученых¹⁷. Действительно, для Линнея познание вещей (научных объектов), по сути, зависело и определялось тем, насколько правильным будет именование: «Если не знаешь названий, то теряется познание вещей. <...> Дать истинное название способны только подлин-ные ботаники»¹⁸. Сквозь тезисы Линнея, в которых продумывается каким конкретным языком лучше пользоваться, показания каких органов чувств принимать во внимание, какую функцию растения учитывать в качестве сущностной, что полагать в качестве отличительного признака (время цветения, окраску, запах), какие собственные имена (боги, правители, известные бота-ники) использовать, – сквозь все это сквозит забота *о всеобщности*, о том, чтобы суждение было обязательно разделено, а язык признан всеми. Эта забота служит в том числе формиро-ванию сообщества «подлинных ботаников».

Таким образом, формирование научного сообщества и достижение достоверности соб-ственных суждений – это собственные цели исследования, которые с необходимостью вклю-чают воздействие на Другого. Формирующийся при этом научный язык, претендующий на всеобщую дистрибуцию, оказывается условием того, что он будет определять общественные практики, производя, таким образом, непосредственный общественный эффект¹⁹. Предпосыл-кой этого движения служит трансформация экзистенциального мотива «одиночества» в мотив «признания», связанный с необходимостью манифестации или репрезентации научных идей. Любопытно, что в кратком тексте «Всеобщий язык науки» А. Эйнштейн обращается к произ-водству этого языка, исток которого лежит в одиночестве душевной жизни: «Наднациональ-ный характер научных понятий и научного языка обусловлен тем, что они были созданы луч-шими умами всех времен и народов. В одиночестве (и тем не менее в совместном усилии, если рассматривать их конечную цель) они создали духовные орудия для технической революции, преобразившей за последнее столетие жизнь человечества»²⁰.

Обратимся теперь к концепту автономии. В период формирования науки как социаль-ного института (XVII–XIX вв.) дискурс эффективности уже находится в проблематических отношениях с дискурсом свободы или автономии в контексте определения статуса таких субъ-ектов научной и образовательной деятельности как университеты. В правовом смысле авто-номия в первую очередь предполагает самоуправление, при этом выделяется два взаимосвя-занных аспекта – независимость от централизации власти и собственное законодательство. Именно в таком смысле следует говорить об автономии средневековых корпораций, в том

¹⁷ Цит. К. Линнея по: *Дэстон Л.* Научная объективность со словами и без слов // Наука и научность в исторической перспективе / ред. Д. Александров, М. Хагнер. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2007. С. 53.

¹⁸ *Линней К.* Философия ботаники. М.: Наука, 1989. С. 143.

¹⁹ Можно привести пример возможных и действительных влияний научных концепций, которые сами формируются не вне общественных, в том числе экономических, контекстов, на определение реальных способов борьбы с такими бедствиями современности, как диабет и ожирение. Речь идет о научных дискуссиях, а точнее о борьбе за признание двух научных подхо-дов, различным образом объясняющих возникновение этих заболеваний. Один из них считает имеющим преимущественное значение нарушение энергетического баланса, второй – гормональный сбой. В случае признания второго, который разрабаты-вался по преимуществу в довоенной Германии и Австрии, и оставался мало признанным в послевоенной Америке, несмотря на экспериментальные подтверждения, очевидны возможные изменения не только в практиках лечения и профилактики этих заболеваний, но и в организации питания населения, а также в деятельности многих компаний, производящих содержащую сахар продукцию, которая провоцирует активность инсулина, влияющего на формирование жировых тканей. См. об этом: *Taubes G.* The case against sugar. New York: Alfred A. Knopf, 2016. 384 p. Краткое изложение основных идей этой работы см.: The case against sugar. [Электронный ресурс]. URL: <https://aeon.co/essays/sugar-is-a-toxic-agent-that-creates-conditions-for-disease> (дата обращения: 29.12.2016).

²⁰ *Эйнштейн А.* Всеобщий язык науки // Эйнштейн А. Собр. науч. трудов: в 4 т. М.: Наука, 1967. Т. IV. С. 246. Осу-ществление политики Открытой науки (Open Science) в современности также может быть понято в контексте этого признания необходимой эффективности научных исследований, их влияния на Другого, посредством включения в свободную систему распространения, а также возможного применения научного знания. О неоднозначности этой политики в отношении научных практик, о негативных и позитивных факторах, которые связывают ученые с ее распространением, см.: *Levin N., Leonelli S., Weckowska D., Castle D., Dupré J.* How Do Scientists Define Openness? Exploring the Relationship Between Open Science Policies and Research Practice // *Bulletin of Sciences, Technologies & Society*. 2016. Vol. 36, Is. 2. P. 128–141.

числе университетов, которым была предоставлена самостоятельность в сфере финансовой, административной и отчасти академической²¹. Отдельность существования – главный принцип такой автономии. Именно против такого рода отдельности, отсутствия включенности в общественные процессы, была направлена просветительская критика средневековых университетов в XVIII веке. В результате этой критики трансформация научных и образовательных структур порой определялась усилением государственного управления и контроля, обеспечивающих связь научных исследований и образования с общественными потребностями. Так происходило отчасти и в ходе реформ образовательной системы в Германии в конце XVIII века, «огосударствление» определяло создание новой системы высшего образования во Франции времен Наполеона, в Австрийской империи и в России²². Причем в России это относится и к созданию собственно научных учреждений, образовательная деятельность которых не была приоритетной²³.

В XIX веке не без влияния немецкой классической философии приобретает институциональное выражение иное понимание автономии, связанное со статусом университета и науки. Существенное в нем – не отдельность, но следование всеобщему закону разума. Здесь свобода предполагает не противопоставление целому (например государству), но, напротив, претензию на то, что частные максимы могут становиться правилами всеобщего законодательства, а собственные задачи – приобретающими всеобщее значение в результате борьбы за признание или вследствие практики широкого мышления²⁴. В этом случае автономия уже, безусловно, не противостоит задаче общественной легитимации и необходимому воздействию науки и образования на иных социальных субъектов, но включает ее²⁵. Потому и наука классического немецкого университета, имевшего в своем основании такое понимание свободы, следуя собственным целям, служила одновременно интересам национального государства и культуры.

²¹ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII первой половины XIX веков в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. С. 63.

²² См. об этом, например: Козлова О. Н. Метаморфозы мира университета (от Просвещения до «конца истории») // Социально-гуманитарное знание. 2005. № 5. С. 197–215.

²³ Речь идет о создании Петербургской Академии наук (см.: Кузнецова Н. И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX в.) М.: Эдиториал УРСС, 1999. 176 с.).

²⁴ При этом становится понятным, почему реформаторы средневекового университета в конце XVIII века могли подчеркивать, что новый университет должен строиться на принципах «разума и эффективности», объединяя в этом требовании два, казалось бы, различных концепта (Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX веков в контексте университетской истории Европы. С. 345). Именно в этом смысле, определяя «идеал чистой науки» в новых учреждениях, В. Гумбольдт говорит не только и не столько об одиночестве, сколько о том, что «духовная деятельность человечества может развиваться только как взаимодействие – не только с тем, чтобы один дополнял то, чего не хватает другому, но и с тем, чтобы успешная деятельность одного вдохновляла других, и чтобы всем стала видна та всеобщая изначальная сила, которая в отдельных личностях проявляется лишь изредка или светит отраженным светом» (Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине. С. 5).

²⁵ Можно привести пример, безусловно связанный с особым российским контекстом, отражающим однако и дух эпохи в целом, такого естественного восприятия общественной значимости науки при описании английских университетов в отечественном Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП) в первой половине XIX века. Так, профессор Московского университета отмечает, что «университеты принимали деятельное и живое участие в каждом политическом и религиозном споре», внося свой вклад в их разрешение (Брашман Н. Д. Об английских университетах // ЖМНП. 1843. № 4. Отд. IV. С. 16). Профессор Дерптского университета, сравнивая немецкие и английские университеты, пишет о них как о независимых сообществах, «существенно важных для народа, для Церкви, для государства» (Моргенштерн К. Сравнение английских университетов с немецкими // ЖМНП. 1835. № 11. С. 332). Священник Попов, описывая историю Оксфордского университета, сетует на то, что в отличие от XVII века, такие науки, как астрономия, ботаника, медицина, анатомия, «в особенности направленные к общей пользе, в XVI столетии не были еще в него введены в том виде, в каком бы надлежало» (Попов, свящ. Краткая история Оксфордского университета и Оксфорда как города // ЖМНП. 1844. № 10. Отд. IV. С. 12).

* * *

Мы видим, если понятие эффективности толковать широким образом, то оно не противостоит существованию научных исследований и автономии, понятой как следование закону разума и включающей в существо определения науки и образования с XVIII–XIX веков. Эффективность обнаруживается на нескольких уровнях и репрезентирует различные степени дистрибутивности научного знания²⁶. Воздействие на Другого принадлежит научному исследованию, потому что оно связано, во-первых, с необходимостью формирования научного сообщества; во-вторых, с заботой о достоверности научного суждения; и, в-третьих, с претензией всеобщего языка научной картины мира – определять практики повседневности в нем. Проблема включения равным образом свободы и эффективности в характеристики исследований становится очевидной постольку, поскольку обнаруживаются две стороны эффективности: с одной стороны, естественное и необходимое стремление самого ученого выражать себя в исследовании, представляя его результаты Другому (назовем это «внутренней» стороной эффективности, связанной со свободой); с другой стороны, становится явной переживаемая научным сообществом в качестве гетерономии оценка этих результатов с позиции управляющих наукой «аутсайдеров», порой не понимающих существа научных проблем и принципиально не внимательных к ним. Это представляет собой «внешнюю» сторону эффективности.

Следствием осознания возможности приписывания науке двух существенных предикатов (эффективности и свободы) является тот факт, что решение проблемы (работа над совмещением двух сторон эффективности) оказывается задачей для самого ученого. Только он сам переживает в полной мере как эту двойственность внутреннего и внешнего, так и необходимость разрешения проблемы, поскольку в противном случае его личностная определенность оказывается стоящей под вопросом. Философский характер проблемы принципиально отличает ее от, например, науковедческой постановки вопроса об адекватном измерении эффективности науки или от административной задачи обоснованного распределения ее финансирования. Только в первом случае решение проблемы происходит из осознанного стремления совместить автономное развитие науки, с одной стороны, и ее оценку общественным мнением – с другой. Только в первом случае становится понятной сложность и неоднозначность критериев эффективности науки, а также самого понятия эффективности.

Итак, если научное сообщество понимает себя в качестве субъекта эффективности и свободы, становится настоящей задачей – понять вторую «внешнюю» сторону эффективности в качестве превращенной формы первой и, соответственно, увидеть закономерность этого превращения²⁷. Тогда сопротивление «внешнему» требованию эффективности может быть трансформировано в задачу преодоления внешнего характера этого требования и работу с ним как с собственной проблемой.

²⁶ О степенях дистрибутивности знания, высшую из которых представляет объективность, см.: *Malyskhin E., Shipovalova L. Before Objectivity: the Concept of Distributive Knowledge in Early Modern Metaphysics // Problemos. 2016. № 89. P. 132–140.*

²⁷ М. К. Мамардашвили предлагал понять концепт «превращенности действия» в обобщенной форме и в независимости от эмпирического материала приложения. Представляется, что в современной эпистемологии этот концепт может быть применен к анализу эффективности науки, определяя «внешние требования», предъявляемые к науке, довлеющие над ней. «Эта видимая форма действительных отношений, отличных от их внутренней связи, играет вместе с тем – именно своей обособленностью и бытийностью – роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы» (*Мамардашвили М. К. Превращенные формы (о необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 317*). Такого рода понимание задает и способы конструктивной критики представления о науке, в котором она внешним образом определяется в качестве эффективной и результативной. К таким способам относится не разоблачение такого представления в качестве иллюзии, за которой стоит настоящее, но включение в реальное взаимодействие с ним, поскольку «если с точки зрения научного знания превращенная форма является воспроизведением предмета в виде представления о нем, то в исторической действительности такое «представление» является реальной силой, частью самого исторического движения» (Там же. С. 327).

Следует отметить, что двусмысленность эффективности обнаруживается также в том, что объект возможного влияния научного знания не столь однозначен. С одной стороны, полученное научное знание может оказывать воздействие на последующие научные исследования, и только опосредованно на чуждого науке аутсайдера; с другой стороны, можно говорить о непосредственном воздействии науки на все сферы общественной жизни. В этом втором смысле эффектом науки может быть изменение уровня жизни и формирование общественного сознания, обоснованные решения в политике и максимизация прибыли в экономике. Иначе говоря, можно условно выделить интерналистский и экстерналистский аспект эффективности науки, правда, нельзя не заметить, что воздействие исследований на Другого неустранимо²⁸. Должно быть понятно, что их оценку следует производить с помощью различных процедур и критериев. Первый аспект требует содержательной качественной экспертизы, хотя в некоторых науках²⁹ может быть удостоверен на основании публикаций в ведущих научных журналах. Второй аспект оценивается не менее сложным образом в силу того, что направления влияния различны, так же как и конкретные средства его осуществления. Объемы заключенных внешних контрактов на использование результатов, проведенные научные экспертизы, в том числе оценивающие оправданность решений в социально-политической сфере, подготовленные учебники и учебные курсы, влияющие на формирование общественного мнения, — это далеко не полный перечень несравнимых объектов, которые в той или иной степени выражают эффективность научных исследований и могут оцениваться. Эти эффекты, связанные с развитием науки, очевидно несоизмеримы. Вопрос об их систематизации, унификации, подведения под единую меру может быть отдан на откуп управляющим наукой структурам, стоящими перед задачей подсчета эффективности различных институтов и распределения финансирования. Возможен и другой вариант, когда проблематическое единство интерналистских и экстерналистских эффектов науки будет включено в задачу собственной идентификации научной деятельности, тогда это единство, так же как и система оценки различных эффектов, будет делом самого научного сообщества.

На пути ко второму варианту стоит ответ на вопрос: что является причиной того, что развитие научного знания само по себе или автономия научных исследований, связанная с эффективностью, начинает противостоять оценке науки со стороны общества и государства, управляющих наукой структур? Это одновременно и вопрос о вхождении в права и о приобретении власти узкого понятия эффективности или «внешней» стороны эффективности. Отвечая на него, следует признать следующее. Научная деятельность, подпадая под требование внешней универсальной измеримости собственного эффекта, что является необходимым условием контроля и управления, и выдвигается его субъектами — научным менеджментом, сама оказывается поздней жертвой классической научной рациональности, *mathesis universalis*, претендующей на открытие одного уравнения, объясняющего весь мир и все изменения в нем

²⁸ Мы используем эти более или менее устойчивые термины пост-позитивистской философии науки для обозначения различия эффектов научной деятельности, хотя обычно они употребляются для определения факторов развития научного знания. Мы полагаем такое использование допустимым, потому что производство эффекта также можно понять как элемент развития. Важно отличать интерналистский и экстерналистский эффекты научной деятельности от внутренней и внешней сторон эффективности. Последнее различие определяет субъекта осознания необходимой эффективности науки и ее оценки (научное сообщество или научный менеджмент), первое — объект или направление воздействия.

²⁹ Решение вопроса о важности публикационной активности зависит от традиции значимости презентации научных результатов в виде статей, от допущения стилистических ограничений, накладываемых на такого рода публикации, а также от значения определенного языкового выражения проблематики научных исследований (см.: *Соколов М.* Восточноевропейские социальные науки на интернациональных рынках идей. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2009/05/21/ideas/> (дата обращения: 15.10.2016)). Конечно, публикационная активность оказывается не единственным фактором оценки результативности научных исследований. Также могут играть роль следующие факторы: формирование научных школ, подготовка квалифицированных кадров, международные контакты и иные способы признания. О том, насколько могут и должны быть различны объекты оценки результативности науки см., например: *Майер Г. В.* О критериях Исследовательского университета // Университетское управление: практика и анализ. 2003. № 3 (26). С. 6–9.

происходящие³⁰. Уже, казалось бы, опровергнутый в своей позитивной значимости и отвергнутый историей европейской культуры «метанарратив» универсальной познаваемости и эффективного управления нашел свое последнее прибежище, поле приложения силы. Этим полем оказывается теперь не только мир (природа) в его целостности, не только человеческая культура в ее нередуцируемой многообразии, но и сама наука. Научная деятельность становится объектом точного наукометрического анализа, контроля и управления, «объективированным миром», доступным научному постижению³¹.

Именно это расширение смысла классической научной рациональности на саму науку стоит, на наш взгляд, за утверждением возможности применения к исследованию узкого смысла экономической эффективности. Показатели результата и затрат, а также их сравнение могут быть использованы тогда, когда при заданных предпосылках (условиях развития, затратах) движение к завершению, к полезному результату, предсказуемо. «Детерминизм – гипотеза, на которой зиждется легитимация через результативность: она определяется отношением вход / выход. Нужно допустить, что система, в которой осуществляется вход, стабильна и послушно следует правильной «траекторией», в отношении которой можно установить постоянную функцию, а также отклонение, позволяющее правильно прогнозировать выход»³². Именно эта предпосылка – отношение к науке как к объекту классической научной рациональности, потенциально однозначно понятому, подчиненному естественной физической причинности, а не закону свободы, – служит основанием редукции значимых различий в самой научной деятельности (например, между различными уровнями и направлениями исследования) к уже существующему единству³³. Эта предпосылка объясняет и невнимание к автономии научных субъектов, которые, превращенные в винтики механизма детерминированного производства предсказуемого результата, закономерно лишаются возможной роли «управления собой».

Следует подчеркнуть, что в самом определении научной деятельности присутствует закономерность возникновения такого превращенного отношения к ней, как к объекту, подчиненному естественной причинности. Объективность языка науки, как независимость его от субъекта, вводится в качестве критерия научности в силу того, что ученый, по крайней мере, с начала XIX века, занимаясь научной работой, стремится стереть всякое присутствие субъективности в визуальных изображениях или концептуальных описаниях объекта, в теоретических объяснениях или экспериментальных подтверждениях. Как следствие, научная репрезентация в письменном тексте, речи, образе, скрывая условия своего производства и тем самым связь с производителем, может поступить и фактически поступает в полное распоряжение

³⁰ В. Гейзенберг пишет о перспективах современной физики, которые состоят в том, чтобы «суметь написать одно единое определяющее уравнение, из которого вытекали бы свойства всех элементарных частиц и тем самым поведение материи вообще» (*Гейзенберг В. Основные проблемы современной физики. Цит. по: Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 247*). Эта задача интерпретируется Хайдеггером в контексте универсального научного проекта «опредмечивания сущего», в котором субъект учреждает свою власть над познаваемым, не замечая того, как сам он также попадает под эту власть.

³¹ Вспомним, что желание К. Поппера понимать научную деятельность как объективированный третий мир, освобождая его от всего, что связано с субъективностью и свободой воли, объясняется именно этим – стремлением к научному – объективному – постижению самой науки. На этом основании становится возможным и внешнее управление исследованиями.

³² *Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 130.*

³³ Эта «уже известность» научного знания и научной деятельности – есть условие управления и контроля, условие измерения эффективности. Однако такое отношение к объекту не допускает непредсказуемости и новизны в его развитии. Парадоксальным образом, такое управление наукой оставляет «невидимым» инновационную деятельность, научные открытия, однако ожидает и «требует» их. Возможно ли такое управление, которое учитывает «пересборку науки» и ее возможную новизну? В любом случае более или менее явно выраженной теоретической предпосылкой такого управления должен быть тезис: «Нет такой известной вещи как наука». Б. Латур делает подобное понимание общества – отсутствие его как уже понятной данности, – предметом и задачей новой социологии ассоциаций. Эта социология одновременно может быть названа «социологией инноваций», поскольку включает в поле своей «предметности» потенциальности и изменения. (*Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшая школа экономики, 2014. С. 16, 22*).

потребителей, оказывается предметом внешнего сравнения значимости и оценки. Дескриптивный объективированный язык науки, истолкованный в контексте эволюционной эпистемологии К. Поппера, позволяет ученым выживать в конкуренции научных теорий³⁴. Однако единственным следствием и целью этого выживания может оказаться подчинение механизму тиражирования и воспроизводства этого анонимного языка, если сам ученый не будет настаивать на пределах его объективации, и, соответственно, на пределах отчужденного существования в ситуации экономического обмена благами. Только в этом случае, утверждая собственное авторство, ученый сможет оправданно претендовать на управление собственной деятельностью и ее результатами, а не просто критиковать мешающее развитию науки администрирование. В этом и состоит существо проблемы эффективности научных исследований: классическая научная рациональность, утверждая свободу от субъективности, сама тем самым создает условия возможности отчужденных форм управления научными исследованиями, создающих вызов для науки в современности.

* * *

Что может способствовать разрешению проблемы современной науки, обнаруживающей себя между эффективностью и свободой? Что может означать утверждение собственного авторства в современном контексте? Прежде, чем ответить на этот вопрос, укажем на некоторые условия возможности этого разрешения, которые выражаются в кризисе абстракции «внешней эффективности», в смещении или пересечении интерналистских и экстерналистских определенностей науки, а также ее критериев эффективности, использующихся при оценке извне и изнутри.

Односторонний взгляд на науку как на известный управляемый механизм, производящий ожидаемые результаты (так же как и на систему образования, выполняющую функцию формирования заданных компетенций), оказывается неспособным с ожидаемой эффективностью управлять наукой (и образованием). Такое управление оказывается губительным для науки, и это не может долго оставаться скрытым для самих управляющих структур³⁵. Этот бюрократический формальный взгляд упускает такой объект, как «наука в действии», в спорах о предмете, с которым она имеет дело, в лаборатории «проб и ошибок»³⁶. В событии производства научного знания действуют живые люди с многообразием потребностей и мотиваций,

³⁴ Различие между амёбой и Эйнштейном, по Попперу, в том, какими средствами они ведут борьбу за существование, прииспосабливаясь к окружающему миру. Для амёбы таким орудием приспособления является ее собственный организм; совершив ошибку, она умирает. Споры ученых – это также борьба за существование, но в случае ошибки умирают не подтвердившие собственную правоту теории (см.: Поппер К. Эволюционная эпистемология).

³⁵ Яркие примеры «провалов» в административном управлении наукой даны в статье биохимика и молекулярного биолога Г. П. Георгиева (Георгиев Г. П. Что губит российскую науку и как с этим бороться // Троицкий Вариант. Часть I: 17 ноября 2015 г., № 192. С. 3; Часть II: 22 декабря 2015 г., № 194. С. 6–7). Исправить губительную ситуацию в науке, по мнению ученого, может только изменение в системе управления, которое должно предполагать сотрудничество ученых и управляющих структур. Роль первых – выявлять болевые точки в современной отечественной науке, возникшие не в последнюю очередь в связи с некомпетентным управлением, а вторых – находить законодательные решения, их исправляющие. «Создание специального полномочного органа по дебиюкратизации и деформализации науки могло бы сыграть важнейшую роль в резком повышении ее уровня и в результате – в инновационном развитии страны» (Там же. С. 7). Симптоматично, что по результатам проведенного опроса среди профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников СПбГУ на вопрос «Какие факторы Вы считаете препятствующими развитию Ваших научных исследований?», больше половины (до 80 %) выбрали «Избыточный контроль и бюрократизацию со стороны управления научными исследованиями». То есть можно говорить о том, что субъективные факторы организации научных исследований очевидны в своем негативном воздействии на научную деятельность в институции. Следует отметить, что эти два и подобные им примеры «кризиса одностороннего управления» имеют относительное значение, поскольку пока видны по преимуществу только научному сообществу.

³⁶ О таком понимании науки как события, но не как завершеном результате, см.: Латуш Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6; Латуш Б. Наука в действии. Как следовать за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского университета с Санкт-Петербурге. 414 с.

переплетаются комплексы значимых обстоятельств: неиспорченные в результате правильного хранения реактивы; достаточное финансирование, позволяющее закупать необходимое оборудование; отсутствие бумажной волокиты, препятствующей введению его в действие; отсутствие бесконечного отчетного формализма; длительные контракты, предоставляющие возможность спокойной научной работы; условия для научной коммуникации, в которых административные структуры не вынуждают ученого самому заниматься документальным сопровождением и т. п. Все эти и многие другие обстоятельства, из которых складываются условия возможности производства научного знания, видны только изнутри «науки в действии» и скрыты от того, кто видит только вложенные средства и ожидает адекватный результат, выраженный в количественных параметрах.

Подчеркнем еще раз, что то, что упускает управляющий наукой извне взгляд, не может быть переведено в термины противостояния интернализма и экстернализма, определяющие внутренний или внешний объект воздействия исследования. Речь не только и не столько об отсутствии внимания со стороны научного менеджмента к собственной научной проблематике;

развернутое понимание того, что значит эффективность науки в системе общественных взаимодействий, едва ли не более проблематично³⁷. Альтернативу представляет собой отношение к науке либо как к проекту, который может быть завершен, стабилизированному ресурсу, поставленному в распоряжение, либо как к событию, но не к результату, к «группообразованию, но не к группе», к многообразному переплетению контекстов и интересов³⁸. Как в первом, так и во втором случае наука может быть истолкована как вплетенная в социальный контекст. Только в первом случае научное знание, понятое как условие экономического роста, адекватных политических жестов, разумных социальных программ, подчиненное в то же время комплексу условий воспроизводства, становится объектом целенаправленного регулирования. Само же общество, основанное на научных знаниях, понимается как данность, определенная в своих целевых ориентирах³⁹. Во втором случае наука оказывается центром пересечения раз-

³⁷ Оба эти направления эффективности научной деятельности содержательно остаются невидимыми научному менеджменту и подпадают в одном и в другом случае под общую количественную меру – публикации в журналах с высоким импакт-фактором и индекс цитирования в первом случае, и объемы привлеченного внешнего финансирования – во втором.

³⁸ Взаимодействие и выравнивание статусов внутренних и внешних факторов, определяющих условия развития и результаты деятельности, являются естественными для методологии акторно-сетевой теории (*Латуш Б.* Пересборка социального. Введение к акторно-сетевой теории; *Ло Джс.* После метода. Беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.). Различного рода виды эффективности науки, направления ее воздействия должны учитываться в равной степени (например, наличие государственного заказа, ожидаемая прибыль в сфере бизнеса, влияние на социальные отношения, возможность признания / отвержения общественным мнением, развитие конкретной области знания, опосредованный эффект на другие области научных исследований). Особое внимание при этом должно уделяться тем ситуациям, когда факторы начинают противоречить друг другу, оказываясь в так называемой ситуации «испытания сил». Например, такого рода ситуации возникают в условиях современной политики Open Science, влияющей на организацию научных практик и способы презентации результатов научных исследований. Связь научных исследований с экономикой и ожидаемая эффективность работы на компанию противостоит здесь возможному воздействию на научное сообщество в результате предоставления открытого доступа к результатам исследований, поскольку в первом случае эти результаты, как правило, находятся в собственности компании. При этом становится очевидным, что само научное сообщество оказывается субъектом выбора приоритетов (см. об этом: *Levin N., Leonelli S., Weckowska D., Castle D., Dupré J.* How Do Scientists Define Openness? Exploring the Relationship Between Open Science Policies and Research Practice. С. 135; *Evans J. A.* Industry collaboration, scientific sharing and the dissemination of knowledge // *Social Studies of Science.* 2010, № 40. P. 757–791). Симптоматичным и требующим не только истолкования, но и работы, является факт того, что ученые СПбГУ, принявший участие в опросе по проблеме эффективности научных исследований, считают основным именно интерналистский эффект научной деятельности (87 %). На втором месте оказалось «Формирование общественного сознания», причем этот ответ выбирали почти с равной активностью представители и гуманитарных, и точных, и естественных наук. Предложенный ответ – «Рост уровня общественного благосостояния» – был выбран только в 3,9 % случаях. Причем даже представители прикладных наук также выбрали его только в 8,7 % случаев. Предложим осторожную двойственную интерпретацию данной ситуации: научные исследования в Университете не ориентированы на непосредственный экстерналистский общественный эффект или они организованы таким образом, что связь с возможным потребителем знания, а также «применение» знания в общественном развитии затруднены.

³⁹ Данное истолкование науки и основанные на нем практики управления научными исследованиями имеют в своем основании ставшую уже классической идею науки как «инновационного капитала», функционирующего в контексте «экономики знания», «общества знания». Однако и в работах, следующих этой традиции, присутствует критическое отношение к простоте

личного рода факторов влияния, связанных с внутренней проблематикой самой науки, а также внешних, непосредственно обуславливающих ее бытие в качестве общественного института. Во втором случае наука сложна и неоднозначна и управление ее невозможно без привлечения самих ученых, без осознанного «следования за учеными и инженерами»⁴⁰.

Насколько различаются в этих подходах к пониманию эффективности науки и, следовательно, к управлению ею способы ее оценки? В самом общем виде это различие принято описывать как различие качественных и количественных критериев. Под количественными способами оценки научных исследований понимаются все показатели, которые могут быть выражены в численной форме и, соответственно, служить основанием точного сравнения объектов. Эти способы непосредственно не связаны с содержательными характеристиками исследований – их конкретной тематикой и формой. К таким показателям, оценивающим труд ученого или эффективность научного сообщества, в современной наукометрии относят количество публикаций, индекс цитирования, импакт-факторы журналов (при использовании их в оценке деятельности организации), объемы привлеченного финансирования, кадровый состав и его качество (наличие ученых со степенями) и т. п. Качественные показатели определяют содержательные характеристики результата исследований (самой активности и ее условий). Они предполагают иного субъекта и иную процедуру оценивания. Экспертиза разного уровня как процедура качественной оценки проводится специалистом в данной области знания или иным непосредственно заинтересованным лицом (например, анкетирование студентов, критический анализ проектов и исследований смешанными группами). Можно указать несколько параметров качественной оценки, которые достаточно точно могут быть установлены в результате профессиональной экспертизы: новизна, актуальность, возможность применения, решение проблемы и т. п.

Кажется очевидным, что количественные способы оценки, как прямая противоположность качественным, используются в отношении управляемого извне, лишенного автономии объекта «наука», там, где задействована «внешняя» сторона эффективности. Однако это отношение сложнее. С одной стороны, качественные экспертные оценки с успехом могут быть формализованы: можно обязать оценивать новизну по 10-бальной системе, можно выстроить шкалу статусов субъектов экспертизы. С другой стороны, в определенных научных сообществах (например, развивающих некоторые направления биологии) количественные показатели цитируемости и рецензирование журналов с высоким импакт-фактором являются признанными и адекватными способами оценки содержания исследований⁴¹.

и однозначности финансового регулирования науки: Гордиенко А. А., Еремин С. Н., Тюгашев Е. А. Наука и инновационное предпринимательство в современном обществе: социокультурный подход. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 280 с.; Семенов Е. В. Человеческий капитал в Российской науке // Информационное общество. 2008. Вып. 1–2. С. 106–123; Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сборник научных трудов / под ред. Д. В. Ефременко. М.: РАН ИНИОН, 2010. 234 с.; Черникова И. В., Черникова Д. В. Концепции знания в обществе знаний и в технонауке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2 (26). С. 114–121; Вольчик В. В. Маскаев А. И. Неявное знание, научное исследование и экономическое развитие // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2016. Т. 7 (номер 1). С. 6–18.

⁴⁰ Отметим, что такое научное понимание науки, подчеркивающее ее многообразие, незавершенность, поликонтекстуальность, определяющее ее развитие, значение субъектов, производящих научное знание, присутствует в современной социологии и истории науки. В книге Б. Латюра «Science in action. How to follow scientists and engineers through society» (Латюр Б. Наука в действии. Как следовать за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.) предлагается вскрытие «черного ящика» научной деятельности, что обнаруживает ее в сложной сети пересечения различных действующих лиц (актантов), факторов влияния, испытания сил.

⁴¹ Важный аргумент, являющийся для нас показателем пересечения количественных и качественных способов оценки, имеющий отношение к публикациям во всех областях знания, приводится в: Leydesdorff L., Bornmann L., Comins J., Milojević S. Citations: Indicators of Quality? The Impact Fallacy // Frontiers in Research Metrics and Analysis. doi: 10.3389/frma.2016.00001. Авторы показывают, что есть основания полагать, что краткосрочное цитирование (short-term citation) может быть показателем включения текста в актуальные дискуссии, в отличие от long-term citation, в случае которого речь идет о включении авторских идей в данную область знания. В этом смысле показатель цитирования, причем в его неоднозначности, должен рассматриваться как показатель качества.

Потому границу, различающую критерии оценки, следует проводить не между качественными и количественными показателями, а между критериями, сформированными и признанными конкретным научным сообществом, и едиными способами оценки, навязанными извне⁴².

Итак, какой может быть программа действий предполагаемого субъекта, осознающего себя на пересечении контекстов эффективности и свободы научных исследований, и отвечающего за решение проблемы противостояния «внутренней» и «внешней» стороны эффективности.

Во-первых, и это относится к критике идеологического характера позиции научного менеджмента, возможно теоретическое разоблачение абстракции управленческой риторики, маскирующей отсутствие внимания к существу развития научных исследований. Это разоблачение, однако, предполагает возможность разговора с научным менеджментом и признание рациональности целей научной политики.

Во-вторых, и это относится к критике идеологического характера позиции научного сообщества, возможно теоретическое разоблачение абстракции «чистого научного интереса», противопоставляемого социально-политическим и экономическим целям. Представляется, что автономия науки и образования, понятая как отдельность существования корпорации, ушла из актуальной повестки дня. Автономию в современности, в том смысле, который придает этому концепту философская традиция XIX века, следует продолжать понимать как всеобщность целей⁴³. Этому переплетению контекстов экстерналистского и интерналистского понимания развития науки учит нас и современная историческая эпистемология и социальные исследования науки и технологий. В этом, если угодно, состоит возможная эффективность этих двух направлений исследования, распаковывающих «черный ящик» научных практик, включающихся в работу над отношением к науке, как к свободной деятельности, к событию испытания сил с непредсказуемым итогом, предполагающему многообразие условий возможности развития, а также ответственность за результаты. Когда такой взгляд на науку будет становиться само собой разумеющимся в общественном сознании, ученые будут избавляться от презрительного отношения к требованию эффективности и общественной значимости, и начнут работать над ее правильным пониманием и собственными способами ее оценки.

Эта работа представляет собой третий элемент возможной программы действий. «Следование за учеными и инженерами» предполагает требование права самим научным сообществам определять собственные критерии оценки эффективности научных исследований; при этом предполагается, что содержательная качественная оценка должна получить адекватные, обоснованные в каждом конкретном случае способы формализации, делающие эту оценку ясной для аутсайдеров. Если администратор не обнаруживает желания спрашивать конкретное научное сообщество о том, что мешает и что способствует его результативности, о том, что оно считает действительными критериями таковой, следует самим говорить о себе ясно и отчетливо, включаясь тем самым в активное управление научными исследованиями⁴⁴.

⁴² Результаты опроса среди сотрудников, занимающихся научными исследованиями в СПбГУ, показывают, что участники в качестве основного критерия оценки видят экспертную оценку специалистов в своей области знания (37,5 %); на втором месте – формирование научной школы и направления исследований (26 %), на третьем месте с близкими результатами – показатели публикационной активности (9,4 %), подтвержденное использование результатов в иных сферах общественной жизни (экономика, политика, образование) (8,9 %), а также активное участие в популяризации науки и востребованность в этой области (8,7 %). Любопытно, насколько малое значение ученые университета придают привлеченному внешнему финансированию (всего 2,9 % участников опроса выбрали этот показатель в качестве основного). Следует подчеркнуть, что почти треть участников выбрала те показатели, которые характеризуют репрезентацию науки вовне, что может свидетельствовать о признании значения экстерналистской эффективности. Представляется, что показатели, оказавшиеся на первых трех местах, могут быть количественно оценены.

⁴³ В этом «следует понимать» звучит не отрицание иного понимания автономии и свободы, но необходимость отдавать отчет в его последствиях, а точнее, в отсутствии таковых, для разрешения проблемы эффективности научных исследований.

⁴⁴ Приведем пример из социологического опроса, который может быть истолкован неоднозначно. В ходе опроса о проблеме эффективности научных исследований в СПбГУ большая часть участников (82 %) высказались против тезиса о том, что

Четвертым элементом, значимым в контексте реализации стратегий утверждения собственного авторства и принципиальной незавершенности научной деятельности, следует считать привлечение внимания к различию «научных исследований» и «научных проектов»⁴⁵. В этом различии первое предполагает непрерывность, открытость, постоянную трансформацию и развитие. Такие исследования в университетах связаны с образовательными программами, функционируют в условиях возможной междисциплинарности, предполагают возникновение, развитие и изменение научных школ, необходимое в ходе научной работы сомнение в достоверности получаемых результатов, а также в однозначной эффективности используемых методов. Эта характеристика определяет то, что было названо «исследованием» еще в классической модели университета, описываемой В. фон Гумбольдтом. Теоретик немецкого классического университета полагал, что наука в университете должна восприниматься всеми как то, что не допускает присутствие заранее заданной цели. «Научные исследования» представляют собой проблему для внешнего управления, поскольку они осуществляются непрерывно в процессе функционирования институции, не имеют заранее определенного результата, но необходимы, поскольку формируют условия для перехода к работе над научными проектами. Второе понятие – научные проекты – подчеркивает конкретность темы и предполагаемую завершенность, очевидную результативность исследований, ограниченных во времени, определенных в составе исполнителей. Эти формы научной деятельности различны также по способам достижения, представления и оценки результатов и, соответственно, по способам управления. Возможность репрезентации не только научных проектов, но и собственных исследований представляет собой серьезный вызов для научного сообщества. Одной из форм таких репрезентаций может служить популяризация науки, участие в различного рода общественных проектах, открытых лекциях, в таких событиях, где демонстрацию собственной работы сколь угодно (еще) не понимающему науку Другому невозможно подменить казалось бы объективными, но, на самом деле, просто анонимными показателями оценки.

Конечно, такого рода действия не разрешат всех конфликтов между научным менеджментом и научным сообществом. Однако они определяют действительность такого субъекта широкого мышления, который способен как отвечать на вызов эффективности, так и хранить верность идее автономии, а значит, трансформировать спор научного разума между эффективностью и свободой из препятствия в источник развития науки.

ликвидация самоуправления может привести к развитию науки в университете. Однако всего 13 % посчитали, что участие в обсуждении решений, определяющих научную и образовательную деятельность в Университете, является необходимым условием для развития научных исследований.

⁴⁵ О различии научных проектов и научных исследований и о специфике управления теми и другими см. Новиков Д. А., Суханов А. Л. Модели и механизмы управления научными проектами в ВУЗах. М.: Институт управления образованием РАО, 2005. 80 с.

Глава 2

Эффективность университетской науки (Возможность прояснения современных контроверз)⁴⁶

© *Биргер Павел Аркадьевич* – выпускник аспирантуры Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: vitaet@ gmail.com

Проблема определения эффективности научных исследований в современных дискуссиях включает в себя два взаимосвязанных элемента. Во-первых, предполагается, что эффективность и результативность может оцениваться не дифференцированно, с использованием одних и тех же критериев для различных наук. Это предположение служит условием возможности определения сравнительной эффективности различных видов и способов осуществления научной деятельности. Понятно, что такой дискурс свойствен по преимуществу управляющим наукой структурам, оценивающим ее «извне», и отчасти объясняется стоящей перед ними необходимостью решения вопроса о распределении финансирования в условиях ограниченного количества ресурсов. Однако только эта относительная рациональность противостоит очевидности той сложной идентификации собственной деятельности, которую осуществляет научное сообщество «изнутри», более или менее явно сопротивляясь однозначным иерархиям и закрепленным порядкам «приоритетных направлений», в контексте которых остаются невидимыми значимые детали. Так, например, без специальной работы для прояснения определенных моментов, остается неочевидным значение социально-гуманитарных наук в решении проблем национальной безопасности, в смягчении или преодолении социально-культурных конфликтов, в развитии современного общества вообще, казалось бы достаточным образом определяемого внедрениями инноваций точных и естественных наук. Представляется, что осмысление возможности конкретных вкладов научных исследований в общественное развитие остается и должно оставаться делом самих ученых. Недостаточная легитимация какого-либо конкретного направления научных исследований отчасти связана с тем, что ученые не видят важности работы в этом направлении.

Во-вторых, со стороны научного сообщества звучит также критика в адрес самого требования эффективности, дополняющая скептическое отношение к единым наукометрическим способам ее оценки, порой слишком опосредованно связанным с необходимыми формами репрезентации конкретных научных исследований и их содержанием⁴⁷. Эта критика настаивает на том, что в требованиях эффективности прагматика общественной значимости и утилитарные соображения заслоняют признание самодостаточности внутренних (теоретических) целей науки самой по себе. Эта отчасти справедливая критическая позиция ученых часто препятствует установлению взаимопонимания и конструктивного взаимодействия между научным сообществом и управляющими наукой структурами – от администрации конкретных научных учреждений до государственных органов.

В этой главе в фокусе оказываются указанные элементы определения эффективности науки, и ставится задача прояснения неоднозначной эффективности научных исследований,

⁴⁶ Текст подготовлен в рамках реализации проекта, поддержанного РГНФ, «Проблема эффективности научных исследований: философский и исторический контексты», Проект № 15-03-00572.

⁴⁷ Отметим, что «общность» наукометрической оценки не преодолевается установлением так называемых «нормализованных показателей» для различных областей знания, поскольку исходит из предположения возможности использовать публикационную активность в академических журналах в качестве общего критерия. См. об этом: Материалы круглого стола «Проблема эффективности научных исследований: легитимация философии в университете» С. 3. [Электронный ресурс]. URL: http://philosophy.spbu.ru/userfiles/kathedras/scitech/Shipovalova/effective-ness_research/Krugly%60i%60%20stol_sai%60t_2.pdf (дата обращения: 16.12.2016).

и возможность такого истолкования звучащих извне «прагматических требований», которая не будет противоречить развитию самой науки и поможет реализации ее собственных целей. При решении этой задачи мы обращаемся как к современным дискуссиям относительно статуса и значимых функций научных исследований, так и к историческим примерам, которые будут служить основанием, не столько достаточного доказательства, сколько сопутствующего аргумента, в решении вопроса об общественной эффективности науки⁴⁸.

Итак, проблема эффективности современных научных исследований вплетена во множество контекстов, и именно эти контексты задают возможное и действительное многообразие способов понимания эффективности и результативности науки⁴⁹. Во-первых, решение вопроса об эффективности определяется заинтересованной в результатах научных исследований точкой зрения. Субъектами этого интереса могут быть, с одной стороны, само научное сообщество, т. е. ученые, отдающие отчет в том, что их деятельность не может не влиять на различные сферы общественной жизни, но по-разному оценивающие это влияние, а с другой – управляющие наукой администраторы, репрезентирующие своими действиями структуры власти, а также, предположительно, гражданское общество, столь же непредсказуемое, сколь и подверженное манипуляциям в своих ожиданиях. Это тот контекст, где сталкиваются противостоящие друг другу властные амбиции, интересы и интенции различных общественных групп, а порой и сами внутренние мотивы научного развития, будучи переведены на язык управляющего наукой интереса, превращаются в довлеющую над ней силу⁵⁰. Это самый общий контекст связанных с осуществлением научной политики институциональных взаимодействий, который охватывает все остальные конкретные взаимодействия института науки и иных социальных институтов. В этом контексте «испытания сил» (Б. Латур) выявляются, утверждаются, признаются и оспариваются адекватные способы оценки различных научных исследований. Адекватность, которая здесь имеется в виду, предполагает учет интересов всех взаимодействующих субъектов, без апелляции к «достоверности» мнения большинства, к уже признанным правам сильного, к устоявшемуся авторитету традиций.

Во-вторых, в решении вопроса о результативности научной деятельности имеет значение контекст, в котором существенными оказываются внутренние различия в самой науке, которые не могут не быть учтены в оценке производимого наукой эффекта. Здесь речь идет о различии областей научного знания – естественные, математические, технические, гуманитарные, социальные науки и их более конкретная дифференциация. Несмотря на то что огромное количество исследований было посвящено проблемам единой шкалы оценок для гуманитарных и естественных наук, их выводы на практике учитываются крайне редко, а гуманитарные науки (и особенно философия) оказываются слабыми конкурентами в том противостоянии, основные аргументы которого не соответствуют их способам выражения⁵¹. Нельзя не согласиться с пред-

⁴⁸ В последующем описании моделей функционирования университетской науки мы опираемся на текст статьи, опубликованной впервые в журнале «Мысль»: Биргер П. А. Эффективность университетов: модели и реальность // Мысль. 2015. № 19. С. 33–41.

⁴⁹ При этом мы исходим из принятого в наших исследованиях предположения, что эффективность следует понимать расширительным образом. Это понимание выводит эффективность за границы экономического языка, где актуально лишь установление разницы между затратами и прибылью и, соответственно, возможно ее однозначное измерение. В широком смысле, который допускается историей словоупотребления, эффективность понимается, как способность производить общественное воздействие и само это воздействие. И поскольку направления этого воздействия различны, сравнительная оценка эффекта проблематична (примечание редактора).

⁵⁰ Здесь речь идет о том, что наукометрические процедуры, использование которых подвергается сегодня критике практически повсеместно, особенно в отечественном пространстве осуществления научной политики, изначально были введены, для того чтобы удовлетворять потребности самого научного сообщества. См. об этом подробнее: Шиповалова Л. В. Индекс цитирования и объективность экспертов (попытка философствования на злобу дня) // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 119–125.

⁵¹ Здесь можно привести в пример естественное для гуманитариев, особенно для философов, соображение, что основной публикацией для них является не статья, а монография. См. об этом, например: Мотрошилова Н. В. Система РИНЦ применительно к философским наукам // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 3–17. О специфике способов репре-

положением, что гуманитарные науки не случайно подвергаются дискриминации: признанный ныне дискурс эффективности – это то, где нет места их автономии и вопрошающему критическому мышлению, непереводимому в термины полезности⁵². В указанном контексте интереса к внутринаучным дифференциациям следует обратить также внимание на различия внутри одной науки. Например, эффект эксперимента и эффект доказательства теоретической физики различны и несравнимы, хотя и взаимосвязаны. Это различие и эта взаимосвязь должны быть учтены, однако они очевидны изнутри самой науки, но не для внешнего оценивающего взгляда.

Контекст внутри научной дифференциации представляет собой пространство не только и не столько конкуренции эффектов, поскольку они несравнимы, сколько условия возможной междисциплинарной коммуникации, налаживания зон обмена между различными направлениями исследования⁵³. Стимулирование такого рода взаимодействий не в последнюю очередь зависит от организации научной политики и институционального устройства науки. Следует отметить, что одним из преимуществ организации научных исследований и преподавания в университетах, построенных по образцу «классического университета» В. Гумбольдта, является именно возможность таких междисциплинарных коммуникаций. Основные теоретические научные исследования в таком университете объединялись в рамках философского факультета и формально и по содержанию (в немецком классическом университете философия выступала системой обоснования научного знания). Именно период создания нового немецкого университета был связан, с одной стороны, с усиливающейся специализацией и дифференциацией научных дисциплин, а с другой – с возникающим вопросом об их интеграции. Отвечать на этот вопрос должна была философия, выступающая одновременно как в роли критика и судьи, определяющего границы и относительность всякого научного знания (в том числе и собственной деятельности в сфере познавательного интереса), так и в роли мудрой «служанки» наук, формирующей общее пространство рефлексии оснований конкретных наук и идеи научности⁵⁴.

зентации гуманитарных и социальных исследований см. также: *Huang M.-H., Chang Y.-W.* Characteristics of research output in social sciences and Humanities: from a research evaluation perspective // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2008. Vol. 59, № 11. P. 1819–1828; *Nederhof A. J.* Bibliometric monitoring of research performance in the Social Sciences and the Humanities: A review // *Scientometrics*. 2006. Vol. 66, № 1. P. 81–100.

⁵² О проблематичной значимости гуманитарных научных исследований в контексте дискурса утилитарности см., например: *Нуссбаум М.* Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. Любопытно, что М. Нуссбаум, а также авторы, которых она считает авторитетами, не противопоставляют собственные цели и ценности гуманитарных и социальных наук общественной выгоде, но работают как раз над выявлением и признанием этой не всегда очевидной полезности. Так, известный экономист А. Сен, используя статистические данные, доказывает, что политика откладывающая реализацию социальных задач, в частности развитие образования и формирование общественного согласия, делающая ставку исключительно на экономическое развитие, проигрывает по сравнению с той, где в приоритете оказываются социальные цели и задачи. Понятно, что социальные науки могут и должны не только делать очевидным такой порядок приоритетов, но и разрабатывать конкретные механизмы и условия их реализации (см.: *Сен А.* Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.).

⁵³ О «зонах обмена», как современной форме научного конструктивного взаимодействия, не предполагающего слияние в единое предметное и методологически определенное пространство исследования, но производство новых проблем, задач и дисциплин на пересечении границ уже существующих, см.: *Галисон П.* Зона обмена: координация убеждений и действий // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2004. № 1. С. 64–91.

⁵⁴ О неоднозначном значении философии как основания междисциплинарного взаимодействия и как конкурента в борьбе за власть над символическим капиталом Академии в немецком классическом университете см.: *Нехаев А. В.* Академический капитализм, университетская революция и фигура философа // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 378. С. 82–89. Следует отметить, что в истории отечественных университетов такая идея единства исследований не была реализована в полной мере, поскольку отечественная система высшего образования была отчасти выстроена в ориентации на французскую модель, предполагающую дисциплинарные границы специализированных исследований (см. об этом, например: *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 529). Именно это отчасти приводит к необходимости терминологической замены «классического университета» на термины, отсылающие к современности при прояснении вызовов межкультурной коммуникации и возможностей междисциплинарности (см., например: *Межкультурные взаимодействия и формирование единого научно-образовательного пространства*. Сб. статей / под ред. Л. А. Вербицкой, В. В. Васильковой. СПб., 2005. С. 190–213; *Ямпольская Л. И.* Концептуализация классической «идеи университета» в неклассическом варианте. Томск, 2014). Правда, для самого В. Гумбольдта единство научной деятельности обеспечивалось скорее в Академии, чем в планируемом Университете, в котором важным является

Третьим контекстом, в котором обнаруживаются различия условий и результатов развития науки, и который следует учитывать, для того чтобы адекватно оценивать эффективность научных исследований, является определенность конкретного способа институциональной организации науки. В первую очередь речь идет об академической и вузовской науке, преимущества которых должны быть учтены в полной мере⁵⁵. Смещение этих определенностей, отсутствие внимания, например, к тому факту, что в университете научное исследование принципиально связано с преподаванием, приводит к тому, что как университетская наука, так и университет в целом, теряют собственное значение, утрачивают силу воздействия на общество. Отметим, что для В. Гумбольдта различие между создаваемым новым Университетом и уже существующей Академией было также принципиально. С одной стороны, он полагал, что университет нельзя отождествлять со школой, целью которой является только лишь передача знаний, и в этом смысле не был согласен с просветительскими критиками университета, полагающими, что наука должна развиваться только в научных сообществах, свободных от задачи обучения. Для Гумбольдта, напротив, было важно, что в университете живое участие студентов способствует научному поиску. С другой стороны, Академия в большей степени, чем Университет, «занимается чистой наукой как таковой». Университет же связан «с практической жизнью и потребностями государства, поскольку <...> решает поставленные государством практические задачи, а именно руководит молодежью»⁵⁶. Именно потому заботой государства должно становится взаимодействие между этими высшими научными учреждениями, осуществляемое благодаря допуску академиков до чтения лекций, а профессоров до академических должностей, а также благодаря тому, что Университет должен быть «заказчиком» конкретных исследований для Академии.

Ниже мы остановимся на проблеме неоднозначной эффективности науки в современном университете. Основная гипотеза, которую мы будем обосновывать, состоит в следующем: университет является одним из немногих посредников институциональных взаимодействий науки и других социальных субъектов. Именно это взаимодействие определяет и различие общественных эффектов, производимых университетской наукой. Иначе говоря, мы предлагаем учитывать то, что производимый эффект науки и университета в целом определяется в первую очередь в контексте конкретных институциональных взаимодействий, а последние складываются и должны оцениваться исходя из целевых ориентиров университетской институции. Вне этого требования могут возникать сложности оценки эффективности университетской науки. Например, легитимность требования научных открытий или экономического эффекта от университета, ориентированного на массовую подготовку бакалавров по различным программам «свободных искусств», проблематична. Мы опишем различные целевые ориентации университетов, апеллируя к текстам мыслителей XX века, делающих университет темой и проблемой своих исследований. При этом цели университетской науки будут рассмотрены в определенном порядке, границы которого можно было бы назвать «степенями полезности» или «степенями

«одинокость и свобода» профессоров, здесь «каждый волен идти своим путем <...> Академия же, напротив, является обществом, воистину предназначенным для того, чтобы подчинить деятельность каждого суждению всех» (Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Современные стратегии культурологических исследований. М., 2000. С. 80).

⁵⁵ Среди преимуществ, которые предоставляет адекватно организованная университетская наука, следует отметить, во-первых, возможность объединить исследование с преподаванием и, соответственно, использовать образовательный процесс как поле апробации инновационных идей и критики выдвигаемых гипотез. При этом и студенты, включенные в процесс исследования, получив возможность приобщиться к процессу формирования научного знания, учатся ему, а не готовым, завершенным идеям, способ производства которых всегда скрыт от внешних взглядов. Во-вторых, современный университет предоставляет возможность междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, что уже было отмечено. Учет этих и иных преимуществ, их поддержка, не могут не сказаться на развитии научных исследований и возрастании силы производимого ими эффекта.

⁵⁶ Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Современные стратегии культурологических исследований. С. 79–80.

действия принципа утилитарности». Это описание представит своего рода модели университетов, которые следует различать и ставить ожидаемый общественный эффект в зависимость от этого различия. Кроме того, мы укажем как на возможные проблемы, возникающие от смешения целевых ориентаций университетов, так и на выгоды, проистекающие из их конструктивного пересечения. Реальность при этом оказывается тем, что, с одной стороны, приводит к возникновению новых моделей и, с другой стороны, трансформируется в процессе их применения.

Использование термина «модель» становится методологически оправданным в следующем отношении. Реальная практика организации и функционирования университетской науки задается неопределенным комплексом взаимосвязанных и часто противоречащих друг другу обстоятельств. Среди них: возможности финансирования, кадровый состав и существующие научные школы, включенность в государственные программы и международные проекты, изменение образовательных стандартов и гибкость соответствующих требований и т. д. В этом смысле определение конкретной цели той или иной институции возможно, например, на основании апелляции к нормативным актам или исторической ретроспективе, т. е. она всегда представляет собой типизацию. Тем не менее это определение имеет смысл, поскольку ясность относительно собственных целей, пусть в самом общем виде, также относится к факторам, служащим условием успешности функционирования любой институции. Потому разговор о моделях университета столь же ограничен в своих выводах, сколь и актуален⁵⁷.

Первая модель университета и, соответственно, функционирования университетской науки – исследовательский классический университет. Теоретические основания этой модели можно обнаружить в идеях В. Гумбольдта, И. Канта, Ф. Шлейермахера, И. Г. Фихте и других классических немецких философов, а ее исторические истоки – в созданном в начале XIX века Берлинской университете. Основная характеристика организации научного исследования в классическом университете – его связь с преподаванием. Однако эта связь не формальная, но сущностная: она означает подготовку ученых в конкретном творческом процессе по достижению результата, обучение их не только и не столько готовому знанию, но процессу его производства, подключение студентов к критическому осмыслению и развитию науки⁵⁸. Эта сущностная связь образования и исследования создает условия реализации главного требования исследовательского университета – свободы, которая предполагает отношение к науке как к

⁵⁷ В современной исследовательской литературе апелляция к моделям университета достаточно распространена, не в последнюю очередь в связи с той сложностью и неоднозначностью реальных университетских практик, которую мы обозначили. Однако не все классификации представляются нам конструктивными. Например, мы не используем в этом контексте достаточно подробное и аргументированное исследование А. В. Прохорова в связи с тем, что в нем не ясен критерий различия моделей (см.: Прохоров А. В. Модели университета в условиях глобализации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2013. № 3 (27). С. 56–66). В нашем же исследовании общим критерием являются целевые ориентации, причем в границах от гетерономии утилитаризма или экономической эффективности до автономии и свободы, определяющей характер целей образования и научного развития. Следует обратить внимание еще на одно исследование: Карье К. Культурные модели университета // Alma mater. 1996. № 3. С. 28–32. Оно также ориентировано на рассмотрение целей и ценностей университетской деятельности в контексте общественной значимости университета. Однако в нем некоторые модели («классический университет», объединяющий, как представляется, все университеты до XX века) в сравнении с другими («революционный университет» или «политизированный университет») очерчены слишком абстрактно.

⁵⁸ См.: Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине. О Гумбольдтовской модели классического университета см. также: Андреев А. Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 46–58; Дуда Г. Введение к меморандуму Вильгельма фон Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших учебных заведений в Берлине» // Университетское управление. 1998. № 3 (6). С. 24–27; Дуда Г. Идеи В. фон Гумбольдта и высшее образование в конце XX века // Современные стратегии культурологических исследований. М., 2000. С. 59–67; Ерохин А. В. Немецкий университет на рубеже XVIII–XIX века: становление новой модели высшего образования // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 327–333; Захаров И. В., Ляхович Е. С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994; Ладыженец Н. С. Развитие идеи западного университета. Социально-философский анализ. Ижевск, 1991; Ростиславлева Н. В. Образовательная концепция В. фон Гумбольдта: взгляд из XXI века. Ростов-на-Дону, 2006; Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 65–78.

незавершенному проекту, а также образование молодых исследователей и активных граждан, способных «пользоваться собственным рассудком» (И. Кант). И первый и второй смыслы свободы ориентированы на реализацию основной цели исследовательского университета – *развитие науки и формирование национальной культуры*. Эта цель была в высшей степени актуальна в тот период, когда Европа переживала осуществление властных притязаний наполеоновской империи. Именно она определяла как условия создания классического университета, так и его эффект, который был настолько показательным, что к началу XX века немецкая классическая модель переросла национальные границы и по ее образцу были реформированы университеты и во Франции и в других странах⁵⁹.

Именно утратой очевидной заботы о национальном культурном интересе многие ученые объясняют падение значения исследовательского классического университета в наши дни⁶⁰. Однако здесь нельзя не отметить, что продолжает звучать тезис об актуальности гумбольдтовской модели университета, причем не в противостоянии, но в связи с требованиями и спецификой современности – отсутствием объединяющей ценности, необходимости работы над духом сообщества⁶¹.

Вторая модель представляет собой в определенном смысле другую крайность – транснациональный бюрократический или корпоративный (предпринимательский) университет⁶². Крайности здесь определяют отношение к развитию науки, которое в первом случае (исследовательский университет) признается автономным, «не подчиняющимся, но уважающим» ценности культурного национального развития и государственного суверенитета. И, несмотря на то что Гумбольдт говорит о «практическом интересе государства», который движет развитием науки и образования в классическом университете, этот интерес «руководства молодежью» или производства «образованных людей» следует назвать всеобщим, а не частным, и приписать ему «нулевую степень полезности», точнее, определить его место «выше всякой пользы

⁵⁹ См. об этом: Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 648 с. (Studia historica). С. 582.

⁶⁰ См. об этом: Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 304 с.

⁶¹ Хабермас Ю. Идея университета. Процессы обучения // *Alma Mater*. 1994. № 4. С. 9–17; Ясперс К. Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 159 с. Как нельзя более актуально действительное осмысление вопроса о принципах возможного гражданского единства и национальных культурных ценностях в отечественной современности (см. об этом, например: Пархоменко Р. Н. Национальная идея и современность // *НВ: Педагогика и просвещение*. 2012. № 1. С. 79–105). Как обсуждение этих вопросов, так и воплощение адекватных ответов на них, должно быть предметом заботы в первую очередь научного сообщества, предваряющей и опосредующей правительственные решения.

⁶² Cabal A. B. The University as an Institution Today: Topics for Reflection. Ottawa: UNESCO and IDRC, 1993; Ридингс Б. Университет в руинах. С. 260. В данном исследовании мы не проводим возможного различия между корпоративным и предпринимательским университетом, которое часто актуально (см., например: Прохоров А. В. Модели университета в условиях глобализации). Это допустимо, поскольку мы рассматриваем различия в контексте так или иначе истолкованных целей институции, а в данном случае имеется в виду цель – производство внешнего, экономического эффекта. Как правило, корпоративные университеты создаются либо в рамках конкретной экономической структуры (корпорации) или в результате актуализации значения предпринимательской деятельности, или заботы о внедрении собственных научных инноваций исследовательского университета, или в качестве отдельных подразделений «большого» университета, ориентированных на конкретные контакты с экономическими субъектами и бизнес структурами. Специфика корпоративного университета отличает его, с одной стороны, от краткосрочных тренингов компании созданием единой культуры управления и вниманием к преемственности и непрерывности развития знания, с другой стороны, принципиальное отличие от исследовательского университета состоит в зависимости от интересов конкретного экономического субъекта, а также непосредственной связи результатов образования и экономической деятельности. В этом смысле возможная научная инновация, производимая в рамках корпоративного университета, имеет больше гарантий своего воплощения. Однако не всегда корпоративный университет может оказаться производителем инноваций, поскольку свобода его деятельности ограничена интересами заказчика. О проблемах функционирования корпоративных университетов в России и за рубежом, а также о типах корпоративных университетов см., например: Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов. М.: Изд. дом гос. ун-та ВШЭ, 2011. 240 с.; Дьяконов С., Тузиков А., Шишурова Р. и др. Корпоративный университет на основе проектно-деятельностного образования как инструмент инновационного развития // *Высшее образование в России*. 2006. № 11. С. 3–15; Скиба Е. Многоликость корпоративного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trainings.ru/library/articles/?id=10253> (дата обращения: 10.12.2016); Социальные проблемы российских корпоративных университетов // *Современное российское образование. Проблемы и перспективы развития*. Коллективная монография / под ред. В. В. Фурсовой, О. В. Горбачевой. М., 2014. С. 170–256.

и вреда». Во втором случае научное развитие как будто бы освобождается от власти государственных интересов, но попадает в экономическую зависимость – под власть логики транснационального капитала и рынка, и приобретает характер «бесконечного возрастания степени полезности». Иными словами в первом случае акцент делается на саморазвитие науки, имеющее внутренней целью истину и становление культуры и образованных людей, во втором случае – развитие науки подчиняется требованиям экономической эффективности и становится ориентированным на внешний результат⁶³. Автономия науки исследовательского (государственного, национального) университета и гетерономия (транснационального) корпоративного определяют существо этих моделей, их целевые ориентации⁶⁴. Возможный эффект и, соответственно, оценка науки корпоративного университета определяется его целью – *достижение научных и образовательных результатов, успешно применяемых в экономике, позволяющих максимизировать прибыль*.

Между этими крайними случаями могут быть обнаружены и срединные варианты. Основываясь на систематизации, предложенной Д. Мишедом⁶⁵, можно выделить следующие возможные целевые ориентации университетов и, соответственно, модели, предполагающие различный ожидаемый эффект от развития университетской науки.

Во-первых, это университет как *центр подготовки специалистов* или квалифицированной рабочей силы⁶⁶. С одной стороны, представляется, что такого рода цель не может быть рассмотрена вне утилитарных соображений, экономических требований современной эпохи, и может быть истолкована как решение задачи «штамповки служащих»⁶⁷. Однако, с другой стороны, при понимании такой цели акцент может быть сделан и на значении особой квалификации работников, полученной в ходе профессионального университетского образования,

⁶³ Следует отметить, что университет, ориентированный на пользу, и имеющий в своем основании принципы утилитаризма, так же, как и исследовательский, имеет своих исторических предшественников. Так, А. Ю. Андреев, описывая просветительские реформы в сфере образования в различных немецких государствах, указывает на общность их целей: «во-первых, уменьшить число студентов, соразмерив его с потребностями государства и общества в квалифицированных выпускниках, <...> во-вторых, повысить “усердие профессоров”, т. е. эффективность преподавания, изменив его план в пользу дисциплин, имеющих более практический характер. Тем самым, углубляя профессионализацию университетского образования, реформаторы высшей школы приходили к представлениям *утилитаризма*, столь характерного для просветительской мысли XVIII в.» (Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. С. 94.) Требование практического характера научных исследований также было значимым аргументом при создании Петербургской Академии наук, оно присутствовало и в основаниях реформирования университетов Австрийской монархии в конце XVIII в. Параллельно актуализации принципа утилитаризма усиливалось присутствие государства в качестве управляющего, контролирующего и регламентирующего университетские практики субъекта. Следует подчеркнуть, что этот принцип в эпоху Просвещения следует истолковывать как направленный против организации средневековых университетов, общественная значимость которых часто была достаточно проблематичной.

⁶⁴ Можно не заострять противопоставление моделей исследовательского (классического) и корпоративного (предпринимательского) университетов через противопоставление автономии и гетерономии, а вспомнить о том, что мы рассматриваем такую образовательную институцию как университет в качестве посредника, объединяющего интересы различных общественных субъектов. В этом контексте следует подчеркнуть, что корпоративный университет оказывается успешным в синтезе академического, государственного и экономических интересов, определяющих различные субъекты общественного разделения труда, и порой более эффективным, чем исследовательский университет, в объединении элементов образовательной, научно-исследовательской и инновационной деятельности (см. об этом: Социальные проблемы российских корпоративных университетов // Современное российское образование. Проблемы и перспективы развития. С. 172). Одним из примеров такого рода конструктивного объединения, где университет остается центром производства научных инновационных идей, и эти идеи находят свое непосредственное воплощение в работе бизнес-корпораций, является Стенфордский университет – научный и образовательный центр Силиконовой долины (Там же. С. 182).

⁶⁵ *Мишед Л.* Идея университета // *Alma Mater*. 1991. № 9. С. 85–90.

⁶⁶ *Wolff R. P.* The Ideal of the University. Boston: Beacon Press, 1977. 161 p.

⁶⁷ Эту современную модель университета можно соотнести с созданным в 1808 году единым французским университетом, задача которого состояла в подготовке конкретных профессионалов. В этом смысле симптоматична четкость дисциплинарных различий, являющаяся организационным принципом этого университета. В этом смысле не случайно исследователи называют французскую модель университета «государственной корпорацией», а огосударствление университетов основным итогом эпохи Просвещения. (см.: *Козлова О. Н.* Метаморфозы мира университета (от Просвещения до «конца истории») // Социально-гуманитарное знание. 2005. № 5. С. 197–215).

связанного с междисциплинарностью, обучением творческому подходу к своей специальности, а также созданию условий для актуализации способностей к инновационной деятельности.

Во-вторых, это университет как *центр социальных услуг, экспертиз* и разработки оснований принятия решений в различных пространствах общественного развития⁶⁸. С одной стороны, может показаться, то данные цели и лежащая в их основании идея университета подчиняется «требованиям извне», заказу на определенную услугу. Однако, с другой стороны, здесь также речь может идти о правильно понятой автономии университетской институции, которая трактуется не как «отдельность существования», но как служба всему обществу, учитывающая значение его правовых, экономических, культурных интересов. Это такого рода «служба», которая может быть скорее определена в качестве «разумного руководства», конечно, если она включает критическую оценку этих интересов, а не покорное следование определенным идеологическим установкам, при котором действительно научная экспертиза подменяется процедурами оправдания конкретных планируемых решений⁶⁹. Такая цель предполагает не просто внешнее включение университетской науки в обмен экономически эквивалентными благами (финансирование со стороны общества и государства – общественно-значимый продукт со стороны университета), но ответственность и заинтересованность университетской науки и ученых, которые осознают себя в первую очередь гражданами государства.

Мы обнаруживаем, что эти две модели занимают положение «между» исследовательским и корпоративным университетом. Их идеи, которые можно обозначить как следование «социальной цели», могут быть проинтерпретированы как с позиции автономии исследовательского университета, так и с позиции гетерономии и полезности корпоративного.

Третья промежуточная модель университета определяется через целевую ориентацию на осуществление образовательной деятельности⁷⁰. С одной стороны, она может быть соотнесена с тем, что называется массовый университет. Задача такого университета – выполнение культурной или интеллектуальной функции, создание общества просвещенных граждан, где просвещение и образование понимаются не только как приобщение к пространству образцов культуры, но и как способность создавать эти образцы⁷¹. Эта задача может быть соотнесена с идеей исследовательского университета, однако без акцента на развитие научного знания, что является принципиальным для последнего. С другой стороны, эта модель близка и идее университета, названного нами корпоративным, ориентированным на выполнение задач эффективности, сформулированных на экономическом языке. Так, Ж. Ф. Лиотар пишет, что в массовом университете осуществление непрерывного образования может быть рассмотрено как актуальное в свете необходимости предоставления занятости армии неработающих людей, оказавшихся невостребованными в контексте сокращения экономической потребности в человеческих ресурсах в условиях постиндустриального общества⁷².

⁶⁸ Kerr C. The Uses of the University. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. 288 p.

⁶⁹ Так происходит, если ученые, ответственные за экспертизу, изменяют философской, критической составляющей своей науки. В этом контексте уместно вспомнить кантовскую идею организации университета, в основном воплощенную в Берлинском классическом университете. Идея состоит в том, что философскому факультету, который должен был объединять все существующие направления научных исследований, кроме теологии, медицины и права, должно быть дано право критического обсуждения всех постановлений правительства и научных суждений, которые могут быть положены в основания практических действий. «Философский факультет, поскольку он обязан ручаться за истинность учений, которые он принимает или хотя бы допускает, должно мыслить как свободный, подчиненный только законодательству разума, а не законодательству правительства <...> Философский факультет может, следовательно, претендовать на право проверять истинность всех учений. Правительство не может наложить запрет на философский факультет, не действуя вразрез со своими истинными, существенными целями» (Кант И. Спор факультетов. Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 2002. С. 68–72).

⁷⁰ Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск: БГУ, 2005.

⁷¹ Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 252.

⁷² Лиотар отмечает, что граждане, получившие образование в таком университете, несмотря на то что число их «избыточно по отношению к возможностям занятости по получаемой специальности», составляют новую необходимую общественную категорию – «получателей передаваемого знания». Их функция медиальности скрепляет сообщество и уже тем самым служит

Таким образом, мы обнаруживаем две крайние модели – исследовательского и корпоративного университета и три промежуточные (назовем их – университет профессионалов, экспертный университет и массовый университет). Подчеркнем еще раз, что мы рассматриваем именно идеи университета или их модели, которые более или менее отчетливым образом закрепляются в программных документах, и находят более или менее ясное выражение в конкретных жестах университетской политики в отношении науки и присутствующих системах практик научного сообщества. Поскольку мы сказали, что две модели являются крайними, необходимо остановиться на описании природы этих крайностей и показать, что стоит за принципиальным различием целей исследовательского и корпоративного университета.

На первый взгляд, кажется, что возникновение корпоративного университета может быть связано с движением к всеобщему порядку целей: транснациональное замещает национальное, широкий взгляд с позиции международного научного сообщества замещает лишь локальную целевую ориентацию культурной институции, какой является классический университет. Соответственно, и оценка эффективности в рамках первого порядка целей обеспечивает большую объективность в эпистемологическом смысле слова и большую степень демократичности в социально-политическом смысле⁷³. Кроме того, апелляция к экономическим интересам, а не к «вторичным» задачам духовной сферы, как кажется, может обеспечить ясность относительно оснований существования науки, связанную с обращением к материальным условиям общественного бытия. Остановимся на этих предположениях, высказав сомнения в абсолютизации их значимости и уточнив их содержание.

Первый аргумент, касающийся транснациональной позиции международного научного сообщества, характера научных исследований и способов организаций научных практик, не должен быть понят в качестве абстрактного. В реальности ни само содержание научных исследований, ни их оценка не могут быть рассмотрены в отрыве от того или иного национального интереса и контекста. В первую очередь это относится к гуманитарным исследованиям, которые очевидно связаны с проблематикой культуры и с определенным языком репрезентации соответствующих идей⁷⁴. Однако можно говорить и о национальном контексте или национальном значении различного рода научных исследований⁷⁵. В современной ситуации в качестве

не экономическим интересам эффективности его функционирования (предоставление занятости всем членам), а национальным интересам единства общества (*Лиотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 120–122).

⁷³ Корпоративный или предпринимательский университет, ориентированный на заказ извне, предполагает необходимость выраженной в точных показателях отчетности перед заказчиком. В этом случае оправдано соотнесение затрат на исследование и полученный в результате их применения доход. Необходимости такого соотнесения отвечает язык цифр. Он же оказывается понятным и всем членам общества (так называемым аутсайдерам), не имеющим специальной научной подготовки, для того чтобы оценить качество, содержание научных исследований, но относящимся к университету, как к одному из социальных субъектов, включенных в ситуацию обмена благами. О проблемах объективности научной экспертизы, связанной в том числе с апелляцией к экономической эффективности, см.: *Шиповалова Л. В.* Индекс цитирования и объективность научной экспертизы. О том, что объективность экспертизы с определенного исторического периода соотносится с языком цифр, а также с тем, что апелляция к цифрам отражает в том числе и демократические общественные тенденции, см.: *Porter T. M.* Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press, 1995. 325 p.

⁷⁴ О неслучайных сложностях, связанных с публикациями результатов социальных исследований на английском (как иностранном) языке, см. социологическое исследование: *Соколов М.* Восточноевропейские социальные науки на интернациональных рынках идей. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2009/05/21/ideas/> (дата обращения: 15.10.2016).

⁷⁵ О возможности соотнесения с локальным культурным контекстом современных научных исследований в Скандинавии, о национальном характере сетей «наука – государство» и «наука – промышленность» и о научных практиках, подтверждающих существующий локальный культурный характер, см. введение в тематический номер по данной теме: *Asdal K., Gradmann Ch.* Introduction: Science, Technology, Medicine – and the State: The Science-State Nexus in Scandinavia, 1850–1980 // *Science in Context*. 2014. № 27 (2). P. 177–186. О роли науки в формировании национальной идентичности см.: *National Identity: The Role of Science and Technology* // *Carol H. E. & Johnson A., (eds.)* Osiris. New series. Vol. 24. Chicago: Chicago University Press, 2009. О значении популяризации науки в процессах складывания и поддержания культурного национального сообщества см. введение в тематический номер по данной теме: *Schirrmacher A.* Introduction. Communicating Science: National Approaches in Twentieth-Century Europe // *Science in Context*. Vol. 26. Iss. 3. 2013. P. 393–404. Следует подчеркнуть также, что функционирование предпринимательского или корпоративного университета часто имеет своей целью и очевидным результатом именно развитие

актуальных обсуждаются идеи мультикультурализма, диалога культур, проблем согласия, коммуникаций и т. п. Однако возможное решение этих проблем не связано с позицией транснационального «взгляда из ниоткуда». Напротив, представляется, что оно должно учитывать конкретику национальных ценностей, интересов, которые, будучи дополнены тезисом об их относительности, всегда оказываются начальной точкой возможного диалога.

Второй аргумент касается прозрачности оценочных процедур, если они связаны с языком результативности, с количественными показателями и в конечном итоге с ценой (стоимостью) исследования. Здесь следует сказать, что, с одной стороны, такого рода требования – апелляция к количественным показателям – могут, конечно, отвечать интересам заказчика, оценивающего результат исследований на основании сравнения собственной возможной прибыли и затрат⁷⁶. С другой стороны, когда речь идет об определении задач исследования и, соответственно, ожидаемых результатов, следует усомниться в том, могут ли конкретные требования, звучащие со стороны сколь угодно крупных предприятий, определять направление развития фундаментальной науки. Более того, даже формулировка тематик прикладных разработок должна иметь в основании понимание возможностей конкретной науки их осуществить, а значит, предполагает первичную роль самой науки в определении направления развития исследований. Язык экономического интереса всегда остается языком конечных целей и задач, тогда как научное исследование ориентируется в первую очередь на бесконечную задачу развития, связанную с проблематизацией, описанием и объяснением предметности, а не с практическим ее использованием. Эти два жеста – использование научных результатов и углубление познания научной предметности – ориентированы в различных направлениях. Вопрос о взаимном подчинении практических и теоретических целей науки может быть переведен в вопрос о конечных целях использования результатов и бесконечных целях развития. И коль скоро мы продолжаем определять европейское человечество через понятие техногенной цивилизации, бесконечность целей, задающая возможность сохраняющейся инновационности, остается более значимой⁷⁷.

Третий аргумент относится к ясности оснований научной деятельности, которую представляет язык экономической целесообразности; этот аргумент, как было отмечено, может быть понят отчасти как материалистический. Однако «материальные обстоятельства жизни людей» могут быть сведены к экономическим отношениям только в контексте редукционизма определенного толка. Если же рассмотреть этот вопрос в контексте, например, акторно-сетевой теории⁷⁸, пытающейся преодолеть ограничения всякого конкретного редукционизма, необходимо отметить следующее. Основанием ясности в отношении определенного феномена (в данном случае – развитие науки и ее общественный эффект) является учет взаимодействия различного рода сил и акторов, как их носителей. В этом взаимодействии политические, интел-

конкретного региона, хотя понятно, что эти результаты могут быть использованы и в более широком контексте (об этом см.: Социальные проблемы российских корпоративных университетов // Современное российское образование. Проблемы и перспективы развития.)

⁷⁶ Следует отметить, что порой использование только количественной оценки может свидетельствовать о невозможности или нежелании задействовать иного рода оценочные процедуры. Так, невозможность экспертной качественной оценки может быть связана с тем, что у научного сообщества отсутствует достаточное финансирование, позволяющее подтвердить сделанные выводы. Тогда обещание скорой прибыли компенсирует отсутствие достаточной содержательной достоверности. Количественная оценка возможной эффективности подменяет отсутствие экспертного свидетельства. Понятно, что такое положение дел не может быть оценено ни как практически допустимое, ни как морально оправданное.

⁷⁷ Это конечно не означает, что понятие инновационной деятельности, как определяющее дух европейской культуры, в настоящее время не может быть поставлено под вопрос и подвергнуто сомнению в качестве движущей силы. Однако следует всерьез задуматься о том, что следует из альтернативной ориентации «на конечное», и готовы ли мы принять ответственность за смену этой ориентации.

⁷⁸ Здесь в первую очередь мы имеем в виду методологические работы Б. Латура и Дж. Ло: *Латура Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшая школа экономики, 2014. 374 с.; *Ло Дж.* После метода. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.

лектуальные, социальные аргументы должны приниматься во внимание не с меньшими основаниями, чем аргументы от экономических интересов, технологий *est*.

Теперь, разобравшись с вопросом о неоднозначном соотношении целевых ориентаций исследовательского и корпоративного университетов, обозначим две возможности, которые могут иметь место в случае смешения этих моделей и, соответственно, пересечения целей.

Первая ситуация смешения возникает тогда, когда провозглашенные целевые ориентации национального исследовательского интереса замещаются целевыми ориентациями корпоративного университета. Внешним выражением такого положения дел может быть, например, требование участия потенциальных работодателей в определении целей и задач исследования, приглашение их к руководству университетскими структурами⁷⁹. При этом может возникнуть ситуация, когда содержание научно-исследовательских проектов будет определяться, а их результативность оцениваться внешним заказчиком, а не самим научным сообществом. В этом случае цели научного исследования как поиска истины подменяются интересами конкретных экономических субъектов, заинтересованных в университете как поставщике трудовых ресурсов (выпускников), а также тех идей, которые могут максимизировать прибыль. Что можно сказать о возможных результатах такой подмены? Есть опасность, что, в случае ее реального осуществления, исследовательский университет, с одной стороны, перестанет ориентироваться на разработку фундаментальных инновационных знаний и воспитание свободно мыслящих граждан. То есть по факту будет изменять своей идее. С другой стороны, поскольку он будет продолжать позиционировать себя в качестве национального исследовательского университета и тем самым привлекать заинтересованных преподавателей и студентов, но он по факту может проиграть корпоративным университетам в конкурентной борьбе за заказы, поскольку такие университеты имеют конкретную экономическую результативность. Соответственно, следствием такого смешения может стать как фактическое прекращение существования национального исследовательского университета, так и утрата значимости его идеи⁸⁰.

Однако существуют примеры и иного рода пересечения. Современный университет активно включается в решение вопросов, связанных с безопасным развитием, экологией, эффективным управлением финансов, равенством возможностей на рынке труда, здоровьем и национальной безопасностью. При этом он проводит не только теоретические исследования по данным темам, не просто ставит задачей инновационные разработки, но и включает соответствующие ценности и следующие им практики в требования университетской деятельности, которую осуществляют совместно преподаватели, студенты и администрация, занимаясь, например, озеленением и экономией ресурсов, осуществляя управление хозяйственной и общественной жизнью университета⁸¹. При этом уже конструктивно соединяются непосредственные цели корпоративного и дух свободного исследовательского университета.

Выяснение комплекса причин негативного и позитивного эффекта от возможного соединения целей университетской науки требует отдельного исследования. Мы же можем сделать следующий вывод. Университетская (образовательная) институция может быть понята в качестве посредника институциональных взаимодействий науки и иных социальных субъектов, как «заказчиков» образованных граждан, научных экспертиз, профессиональных кадров и конкретных инноваций и технологий. При формировании критериев оценки эффективности

⁷⁹ См. об этом, например: *Шиповалова Л. В.* Современная идея университета и возможная легитимация философии // *Философия и культура*. 2015. № 11. С. 1734–1741.

⁸⁰ Еще один симптом смешения целевых ориентаций обнаруживается в том, что порой то, что де юре следует называть исследовательским университетом, примеряет на себя фактически роль университета предпринимательского. Речь идет о позиционировании структур высшего образования как торгующих соответствующими услугами и включающими в оценки собственной эффективности объемы привлечения внешнего финансирования.

⁸¹ *Осипова Н. В.* Корпоративная модель университета как социальная новация // *Современное образование*. 2015. № 2. С. 1–19. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_14388.html (дата обращения: 10.12.2016).

университетской науки следует учитывать то, как определяются цели институции и соответственно этим целям организуются научные исследования. Именно тогда следующая за адекватной оценкой поддержка науки будет способствовать ее развитию, то есть служить интересам не только управляющих структур.

Глава 3

Становление классического немецкого университета: университетское образование и гуманитарные науки в немецкой философии и культуре⁸²

© *Куприянов Виктор Александрович* – аспирант Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Основополагающий принцип бытия современного университета можно охарактеризовать понятием *эффективность*. Сегодня университет во многих странах мира все больше становится похож на бюрократическую корпорацию, в основе которой лежит по преимуществу экономический расчет и логика коммерции. Как верно пишет Б. Ридингс, университет «станет транснациональной бюрократической корпорацией, либо связанной с транснациональными инстанциями управления, такими как Европейский союз, либо функционирующей независимо по аналогии с транснациональной компанией»⁸³. В итоге роль и статус академического сообщества в современном университете существенно меняется: ученый перестает быть главной фигурой университета, теперь его место занимает безличная бюрократия и представители административного персонала. В странах, где имеется сильная традиция академической свободы и общий строй жизни основан на демократизме, эта тенденция заметна меньше, хотя и там она является определяющей; в других же странах, где позиции государства более сильны и роль административно-командных методов управления исторически выше, стремление к «пролетаризации» научного сообщества университета и к превращению ученых и преподавателей в низовых исполнителей воли вышестоящего руководящего аппарата является более очевидным.

Сам университет, как уже отмечено выше, рассматривается в качестве коммерческой компании, нацеленной, как это ни странно, не столько на прибыль, сколько на достижение ряда формальных показателей, определяющих в конечном счете *raison d'être* этой организации. Причем конкретное содержание этих показателей может быть совершенно разным и не определяться никакими принципами – набор критериев эффективности сам для себя оказывается целью. Идеологическим обоснованием в данном случае выступает сам по себе дискурс эффективности – в качестве идеологии достижения тех или иных предзаданных параметров.

Естественным следствием такого рода понимания деятельности научного сообщества оказывается крайняя инструментализация знания и сведение смысла преподавания к целям узкопрофессиональной подготовки. Это отношение к знанию достаточно точно описано в работе Ж.-Ф. Лиотара «Состоянии постмодерна», ставшей уже классикой в этой области: «Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования (*Bildung*) разума и даже от самой личности, устаревает, и будет выходить из употребления. Такое отношение поставщиков и пользователей знания к самому знанию стремится и будет стремиться перенять форму отношения, которое производители и потребители товаров имеют с этими последними, т. е. стоимостную форму (*fornie valeur*). Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обмененным»⁸⁴. Знание, таким образом, превращается в товар, а организации, которые отвечают за институционализацию науки

⁸² Текст подготовлен в рамках реализации проекта, поддержанного РГНФ, «Проблема эффективности научных исследований: философский и исторический контексты», Проект № 15-03-00572.

⁸³ *Ридингс Б.* Университет в руинах. М.: Изд. дом ГУ Высшая школа экономики, 2010. С. 12.

⁸⁴ *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 18.

как основного топоса знания, превращаются в коммерческие предприятия, отвечающие за поставку нужного товара для потребителей. Процесс университетского преподавания, в свою очередь, оказывается не более чем передачей информации или чаще просто обучением набору определенных навыков для практической работы. На это указывает то, как сегодня выстраивается образование во многих университетах⁸⁵: весь образовательный процесс сводится к определенному курсу или программе с четко заданным итогом в виде практических навыков (компетенций), которыми должен овладеть студент. В этой ситуации не имеют значения ни факультет, ни кафедра, ни университет как *научное сообщество*: логика потребительства пронизывает современное образование и науку.

Логика потребительства, пронизывающая современные социальные отношения и при-
нуждающая нас понимать знание как *разновидность товара*, означает, что знание можно оце-
нивать по принципу соотношения цена / качество и выражать это в определенных числовых
показателях. Именно это обстоятельство порождает столь широко распространенную сегодня
практику оценки эффективности⁸⁶. Не столько важен вопрос о том, каковы критерии, заложен-
ные в методику оценивания, сколько сам факт того, что оценка эффективности превращается
в смысл жизни современного университета. В итоге университет оказывается не более чем
эффективной транснациональной бюрократической компанией, направленной на торговлю
услугами, ради выполнения абстрактного набора критериев эффективности.

Это состояние университета и наук, наполняющих его внутреннюю жизнь, нельзя описать
иначе, чем *кризис*, поскольку очевидно, что такая интерпретация не соответствует исходному
и закрепленному многовековой философской традицией смыслу науки, суть которого состоит
в том, что занятие наукой направлено на поиск и познание истины, а достижение истины пред-
полагает и определенные качественные изменения мировоззрения и образа жизни познающего
субъекта. К тому же, и это намного важнее, такая идеология, то есть потребительство, помно-
женное на абстрактную бюрократию, становится проблематичным и неприемлемым условием
для существования научного сообщества, как основного носителя знания, поскольку лишает
его позитивной повестки бытия, исходящей изнутри самого знания.

С чем конкретно связано сегодняшнее кризисное состояние университета? Здесь вполне
можно согласиться с приведенной выше точкой зрения Ж.-Ф. Лиотара: такое понимание роли
и содержания знания и, следовательно, перетолкование цели и смысла бытия университета
связано прежде всего с распадом *немецкой концепции образования XIX века* – неогуманисти-
ческой идеи *bildung*, которая предполагала единство теоретического и практического разума и
констатировала, таким образом, неразрывную связь между знанием и поведением, то есть это-
сом, личностью. Утрата же идеи *bildung* связана, конечно же, выражаясь опять же языком Лио-
тара, с исчезновением веры в метанарративы, то есть веры в большой идеалистический дискурс
умопостигаемого бытия самого по себе. Поскольку же за производство этого типа мышления
всегда отвечала философия и комплекс гуманитарных наук, то изменения в университетах,

⁸⁵ Например, в таких крупнейших российских вузах как СПбГУ и МГУ.

⁸⁶ В качестве примера того, как осуществляется процесс оценивания эффективности, см. комплекс отчетности об эффек-
тивности вузов РФ на портале Информационно-вычислительного центра Минобрнауки РФ ([http:// indicators.miccedu.ru/
monitoring/](http://indicators.miccedu.ru/monitoring/)). Данные достаточно хорошо известны российской публике по мониторингу эффективности вузов, проводимому
в 2013 и 2014 годах. Среди рейтингов вузов мира можно отметить широко известные системы *Times Higher Education* и
Quacquarelli Symonds. Эти два наиболее авторитетных рейтинга ориентированы скорее на потенциального студента, и состав-
ляются частными компаниями. Однако не только в России, но и в других странах, государства все чаще прибегают к специ-
альным процедурам оценки эффективности науки и университетов (чаще всего в целях распределения финансирования). Так,
широко известна британская система *Research Excellence Framework* (см. сайт: [http://www. ref.ac.uk/](http://www.ref.ac.uk/)), в соответствии с кото-
рой университеты Великобритании оценивались в 2014 году. Так или иначе, но почти все страны Запада сегодня применяют
аналогичные методики оценки эффективности. Обзор см.: *Geuna A., Martin Ben R. University Research Evaluation and Funding:
an International Comparison // Electronic Working Paper Series. Paper № 71. (Эта же статья сокращенно: Minerva. 2003. № 41.
P. 277–304.)*

которые мы можем сегодня наблюдать практически везде, обусловлены также утратой своего ключевого положения в университете философским и гуманитарными факультетами.

В настоящей главе мы рассмотрим, во-первых, поэтапную историю немецкого университета и роль, которую в нем играли гуманитарные науки, и, во-вторых, теорию гуманитарного знания, выработанную немецкой философской традицией XIX века в контексте истории университета, как центрального «субъекта» институализации знания. Подчеркнем, что выбор именно немецкой традиции, как основы для исследования проблемы отношения науки и форм ее институализации, обусловлен в данном случае не авторской пристрастностью к немецкой философии культуры, а прежде всего тем, что современное состояние как наук, так и организаций, отвечающих за их социальное бытие, задается изменениями, имевшими место именно в рамках немецкой философской и научной традиции. Без представления об этих процессах мы обречены на непонимание своего современного бытия и лишены возможностей для поиска выхода из сложившейся кризисной ситуации.

Немецкий университет доклассической эпохи: инвариантные основы и национальное своеобразие

Классическим немецким университетом принято считать немецкий исследовательский университет, возникший в ходе «больших прусских реформ» в начале XIX века. В основе такого университетского образования лежит немецкий неогуманизм и идеалистическая философия. Тем не менее этому новому для того времени, и впоследствии ставшему доминирующим, типу университета предшествует более чем трехсотлетняя традиция немецкого высшего образования. Хотя идеология нового университетского образования, несомненно, опиралась на наработки этой богатой традиции, тем не менее то, что было выработано в ходе этой весьма разнообразной университетской истории, было в начале XIX века существенно переработано и обновлено. В этой главе мы сделаем обзор истории немецкого высшего образования, чтобы выявить, как возникал новый тип организации обучения и новая философия образования; что было навсегда отброшено в ходе труднейших реформ, проведенных в Пруссии в годы французской агрессии, и что тем не менее возможно, вопреки желанию самих авторов реформы, само собой сохранилось, войдя в плоть и кровь немецкой университетской культуры.

Важнейшим фактором развития институтов высшего образования в Германии были гуманитарные науки. По сути, история формирования классического немецкого университета – это история формирования гуманитарного знания. Именно поэтому внутренним камертоном нашего рассмотрения будет вопрос о роли гуманитарного образования в университете и история его институализации.

Вообще стремление к институализации образования и формированию организаций, отвечающих за репродукцию знания, является одной из самых характерных особенностей западноевропейской культуры, отличающей ее от культуры Византии и арабских стран⁸⁷. Европейские традиции образовательной и научной институализации уходят глубоко в историю, вплоть до времени формирования первых философских и риторических школ в Древней Греции. В сущности, эта традиция никогда не прерывалась: ко времени закрытия императором Юстинианом в 529 году н. э. афинской Академии на территории бывшей западной Римской империи уже существовали школы, отвечавшие за *translatio studii*. Затем на основе монастырских и кафедральных школ возникают *studia generalia*, из которых впоследствии и возникают

⁸⁷ См.: Hyde J.K. *Universities and Cities in Medieval Italy // The University and the City. From Medieval Origins to the Present* / ed. by Th. Beuder. New York; Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 13–21.

университеты. В конце XII века в Оксфорде, Париже и Болонье почти одновременно создаются первые университеты⁸⁸

⁸⁸ Общий очерк истории средневекового университета см. в классическом труде: *Rashdall H. The Universities of Europe in the Middle Ages. Vol. I–II. Oxford: Oxford University Press, 1936.* Также по истории университетского образования в центральной и восточной Европе см.: *Андреев А. Возникновение университетов в Центральной и Восточной Европе // Андреев А. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. С. 52–172.* Эта же монография содержит и подробную историю университетов в Российской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.